

МЕЛВИН Л.КОН,

*Университет Джона Хопкинса (Балтимор,
штат Мериленд, США)*

ВАЛЕРИЙ ХМЕЛЬКО,

*Национальный университет “Киево-Моги-
лянская академия”*

ВЛАДИМИР ПАНИОТТО,

*Киевский международный институт социоло-
гии*

ХО-ФУНГ ХУНГ,

Китайский университет Гонконга

**Социальная структура и личность в процессе
радикальных социальных изменений:
анализ Украины в период трансформаций¹**

¹ Исследование проведено при поддержке Государственного комитета по науке и технологии Украины, Национального научного фонда (гранты #SES-9107584 и #SRB-9728374) и Национального совета советологии и восточноевропейских исследований (ныне Национальный совет евразийских и восточноевропейских исследований). Авторы выражают благодарность Леониду Финкелю за помощь в разработке инструментария выборочных исследований для Украины, Анджею Вейланду за обучение украинских исследователей методам интенсивных предварительных тестирований, Анджею Вейланду и Роману Ленчовскому за помощь в переводе опросника с польского языка на русский, Майклу Гейни и Майклу Сваффорду за проведение тренингов украинских интервьюеров, нашим польским единомышленникам — Казимежу Сломчинскому, Войцеху Заборовскому, Кристине Яницкой и Богдану Маху — за проведение исследований, на которых базируются модели измерения для Польши 2), Богдану Маху — за разработку этих моделей, Рональду Шенбергу — за отслеживание проблем при определении нами значений коэффициентов и Месфину Мулату за координирование определения величин латентных переменных. Авторы признательны Карме Шулер и Месфину Мулату за скрупулезную критику предварительного варианта этой статьи, а также преподавателям, аспирантам и студентам магистерской программы кафедры социологии Университета Джона Хопкинса за вдохновляющее обсуждение теоретических аспектов данной статьи на кафедральном семинаре.

Abstract

This paper investigates the relationships of social structure and personality during a period of radical social change attendant on the early stages of the transformation of Ukraine from socialism to nascent capitalism. It does so by analyzing data secured from face-to-face interviews with a representative sample of urban Ukrainian men and women in 1992-93, together with a follow-up survey three to three and a half years later of all those respondents who at the time of the initial survey either were employed or were seeking paid employment. We found that the over-time correlations – the stabilities – of two underlying dimensions of personality – self-directedness of orientation and a sense of well-being or distress – were startlingly low, by comparison not only to the United States at a time of much greater social stability, but also to Poland at the same time as the Ukrainian study, albeit at a later stage of transition. The stability of a third fundamental dimension of personality – intellectual flexibility – was higher than those of self-directedness of orientation and distress, but considerably lower than past research had led us to expect. Still, despite massive changes in social and economic conditions and great instability of personality, the relationships of social structure with personality were remarkably consistent over time and, with the partial exception of those with the sense of wellbeing or distress, were quite similar to those of both socialist and advanced capitalist societies during times of apparent social stability. Our analyses suggest that consistency in the relationships between social structure and personality despite great change both in social structure and in personality results from the continued stability of proximate conditions of life that link position in the larger social structure to individual personality, and the continued strength of those linkages. Notable among these proximate conditions, for those people who were employed at the times of both the baseline and follow-up surveys, is the substantive complexity of their work.

В основе этого исследования лежит теоретический вопрос: существуют ли в периоды радикальных социальных изменений те связи между социальной структурой и личностью, которые были обнаружены ранее в западных и незападных, капиталистических и социалистических обществах в периоды очевидной социальной стабильности [8; 13]. Вслед за Уильямсом, под социальными изменениями мы понимаем *изменения структуры* общества, а не просто богатый событиями или драматический период жизни этого общества: “Изменение происходит, когда есть изменения в форме, когда возникают новые отношения...” [20, с. 620–621]. К *радикальным социальным изменениям* мы относим изменения, отличающиеся не скоростью, а природой — трансформацию одной политической и экономической системы в совершенно иную. Пример радикальных социальных изменений, который мы рассматриваем, — это преобразование стран Восточной Европы и бывшего Советского Союза из социалистических в первично-капиталистические.

Предварительный ответ о сохранении связей между социальной структурой и личностью в условиях радикальных социальных изменений дал сравнительный анализ Польши и Украины, основанный на кросс-секционных (cross-sectional) исследованиях городского взрослого населения этих стран в 1992-93 годах [14]. Во всех сферах, в которых в социалистической Польше наблюдался характер связей социальных классов и социальной стратификации с личностью, подобный обнаруженному в исследованиях

капиталистических Соединенных Штатов и Японии, он наблюдался и после наступления раннего капитализма. В условиях радикальных социальных изменений, как и в условиях социальной стабильности, люди, занимающие привилегированные классовые и высшие социально-стратификационные позиции, имели намного больше возможностей быть самостоятельными в своей работе, — то есть выполнять содержательно более сложную работу, под менее строгим надзором и работать в менее рутинных условиях, — чем люди с менее привилегированным социально-структурным положением. Профессиональная самостоятельность, в свою очередь, способствует более самостоятельным ориентациям в отношении себя и общества и большей интеллектуальной гибкости. Но в тех аспектах, по которым социалистическая Польша отличалась от США и Японии (в частности в том, что в капиталистических странах люди на более благоприятных позициях чувствовали себя более благополучно, а на менее благоприятных испытывали дистресс, тогда как в тогдашней социалистической Польше наблюдалась почти противоположная картина), в переходный период Польша полностью приблизилась к капиталистическому типу. Украина выглядела как следующая тем же путем, хотя и медленнее: в стране наблюдался аналогичный польскому тип *связей* между социальной структурой и личностью, однако все связи были слабее, причем дистресс был даже статистически незначимым¹.

Таким образом, данные кросс-секционного анализа свидетельствуют о том, что радикальные социальные изменения, которыми сопровождалась трансформация социальных и экономических структур в Польше и в Украине, существенно не повлияли на связи между социальной структурой и личностью, по крайней мере для занятых слоев общества, кроме той меры, в какой социальные структуры этих стран стали более подобны социальным структурам капиталистических стран. Впрочем, сравнительный анализ Польши и Украины мало что говорит нам о динамике соответствующего процесса. И не только потому, что наш анализ по необходимости был кросс-секционным, но и потому, что трансформация Польши произошла настолько быстро, что уже осенью и в начале зимы 1992-93 годов связи социальных классов и стратификации с личностью демонстрировали капиталистический тип, зафиксированный ранее в Соединенных Штатах и Японии [8; 14]. Преобразования в Украине так далеко не зашли, и связи между социальной структурой и личностью, хотя и были подобны польским, не проявились так резко, то есть Украина в значительной мере пребывала в процессе перехода к раннему капитализму.

Однако если оценить движение от длительного доминирования экономики с централизованной командной системой, преобразования в Украине были даже более кардинальными, нежели польские. В течение шестидесяти лет, предшествовавших этим преобразованием, украинцы не имели никако-

¹ В работе М.Кона и др. [14] рассмотрено, не являлись ли более слабыми в Украине, чем в Польше связи условий труда с личностью, а значит, класса и стратификации с личностью, скорее отголоском истории Украины как части Советского Союза, или же это результат экстремальных условий неопределенности, в которых Украина пребывала во время опроса 1992-93 годов. Из-за отсутствия соответствующих данных относительно Украины, когда она была частью Советского Союза, не существует способа определить, какое из этих объяснений правильное.

го опыта частного предпринимательства: даже мелкий частный бизнес был запрещен. В сельских местностях Украины, где проживало более 80% населения, частную собственность уничтожили драконовскими мерами еще в начале 1930-х годов. В Польше, напротив, мелкий частный бизнес никогда не был запрещен, а сельское хозяйство никогда не было социализировано. Более того, экономика Украины была существенной частью централизованной экономики СССР. С распадом СССР промышленные связи предприятий Украины с десятками тысяч предприятий в четырнадцать новых независимых странах, вышедших из бывшего Советского Союза, были грубо нарушены. Вследствие этого падение производства и уровня жизни в Украине было гораздо более резким, чем в Польше. Таким образом, учитывая глубину происходивших изменений, преобразования первых лет в Украине были предельно радикальными. В 1992-93 годах этот процесс все еще не завершился. Именно это послужило поводом и благоприятными обстоятельствами для данного исследования.

Осознав, что во время кросс-секционного опроса 1992-93 годов Украина находилась на начальной стадии радикальных преобразований, украинские коллеги усмотрели в этом исследовании уникальную возможность получить данные, которые бы сделали возможным лонгитюдный анализ динамики процесса радикальных социальных изменений. Весной и летом 1996 года они провели опросы всех мужчин и женщин из начальной выборки, которые во время первого опроса относились к экономически активному населению. Это позволило превратить кросс-секционное исследование, проведенное в начале преобразований в Украине, в составляющую лонгитюдной совокупности данных, охватывающих от трех до трех с половиной лет происходивших преобразований.

Для этого исследования контекст играет решающую роль, даже более весомую, чем для большинства исследований социальной структуры и личности. Анализ макросоциальных изменений первого десятилетия независимости Украины, осуществленный В.Хмелько [3], показывает, что в 1996 году (и даже позднее) Украина, хотя и весьма ощутимо отделилась от бывшей системы социалистической экономики, еще не перешла окончательно к капиталистической социальной и экономической структуре. Таким образом, данная статья *не является* исследованием ни Украины *до и после* ее перехода от социализма к капитализму, ни Украины *в ходе и после* преобразований, это исследование Украины *на ранних этапах происходящих трансформаций*, конечный результат которых еще не определен. Стратегическое значение лонгитюдного изучения Украины в течение этих лет заключается в том, что оно позволило нам исследовать динамику связей между социальной структурой и личностью в период радикальных социальных изменений и нацелить нашу аналитическую работу на выяснение того, что происходит с этими связями в таких неопределенных, изменчивых условиях.

То есть это исследование собственно дает возможность проверить, существуют ли в условиях продолжающегося процесса радикальных социальных изменений те связи между социальной структурой и личностью, которые были обнаружены в исследованиях, проведенных в условиях явной социальной стабильности. Как будет видно из анализа, который мы представим далее, эта проверка является не только лонгитюдной, и не просто осуществляемой в условиях радикальных изменений, а еще и предельно стро-

гой благодаря тому, чего мы не ожидали и что резко контрастирует с результатами многих исследований личности, проведенных в периоды социальной стабильности: корреляция во времени измерений личности, которые мы изучаем, разительно мала. Итак, мы рассмотрим следующие основные вопросы: 1) являются ли связи между социальной структурой и личностью значимыми, нетривиальными по величине и устойчивыми во времени даже в условиях радикальных социальных изменений и несмотря на нестабильность личности в этот период; 2) если в этих чрезвычайных обстоятельствах они значимы, нетривиальны и устойчивы, то что делает это возможным.

Выборка и методы сбора данных

Базовое кросс-секционное исследование 1992-93 годов

Начальное кросс-секционное исследование Украины, которое мы сейчас используем как базовое для нашего лонгитюдного анализа, было проведено зимой 1992-93 года. Оно базировалось на репрезентативной по полу и возрасту выборке городского населения страны. Выборка была сформирована украинскими членами нашей исследовательской команды, которые разработали метод преодоления ограничений процедур, применявшихся для формирования выборки в бывшем Советском Союзе, и недостатков официальной украинской статистики. Их метод основан на многоступенчатой случайной выборке. На первой стадии применяют отбор из семисот городских районов, далее последовательно отбирают почтовые отделения, улицы, дома, квартиры и, наконец, их жителей, достигших 18-летнего возраста.

Это исследование было проведено Киевским международным институтом социологии, исследовательским центром, созданным украинскими коллегами в 1990 году. Поскольку социологи бывшего СССР не имели достаточного опыта проведения исследований на основе личных интервью [6], организовывать свой исследовательский центр им пришлось практически с нуля. К счастью, они получили экспертную помощь сначала от сотрудника Исследовательского института Радио Свобода Майкла Хейни, проводившего интенсивный практический тренинг интервьюеров (на русском языке, которым он свободно владеет) при подготовке к исследованиям, выполнявшимся украинским Центром для Радио Свобода, а в дальнейшем — в обучении интервьюеров проведению академических опросов, которое осуществлял на редкость сведущий социолог и советолог Майкл Сваффорд (тоже на русском, который он знал в совершенстве). Перед проведением кросс-секционного исследования 1992-93 годов украинский институт имел в своем распоряжении тренированный и опытный полевой персонал и надежную систему обеспечения высокого качества интервью.

Интервьюерам удалось опросить 81% намеченных респондентов (всего 2322 человека: 966 мужчин и 1356 женщин). Ощутимое преобладание женщин в выборке отражает демографический состав населения страны. (Подробнее о выборке, методах сбора данных и предварительного тестирования опросника, а также обеспечении сопоставимости значений и измерений не только между российским и украинским вариантами опросника, но и с предыдущими исследованиями в других странах и на других языках см.: [14, приложение А].)

Повторный опрос

Учитывая ограниченность ресурсов для полевой работы во время повторного опроса исследователи ограничились теми респондентами начального опроса, которые в то время принадлежали к экономически активному населению — в Украине, как и в США, это означает либо оплачиваемую занятость, либо состояние безработицы и поиска работы. Это была стратегическая подвыборка для изучения вхождения в ряды занятых и выхода из них и для изучения психологических переменных, сопутствующих межклассовой мобильности. Впрочем, ограничение повторного опроса только представителями экономически активного населения имело определенный недостаток: из лонгитюдного анализа исключались домохозяйки и пенсионеры. Но этот недостаток мы можем компенсировать путем сопоставления кросс-секционных данных о тех, кто в 1992-93 годах был домохозяйками или пенсионерами, с данными повторного опроса тех, кто в 1992-93 годах относился к экономически активному населению, но в 1996 году *стал* домохозяйкой или пенсионером.

Обеспечить адекватный уровень охвата респондентов в повторном опросе 1996 года оказалось еще труднее, чем в базовом опросе 1992-93 годов — отчасти из-за разочарования многих украинцев в официальных институтах общества, а частично потому, что экономические трудности вынуждали многих людей (даже горожан, имевших работу) в свободное от основной работы время выращивать продукты на небольших участках в городах или за пределами своих городов, что нередко делало их недоступными для опроса¹. Благодаря своей настойчивости украинские исследователи смогли опросить примерно 75% запланированной выборки, которая, разумеется, уже не была полностью репрезентативной для населения, на которое хотелось бы распространить полученные данные, но — тщательно проинтерпретированная — оказалась чрезвычайно полезной для изучения динамики изменений.

Стабильность личности во времени

Авторитарный консерватизм

Очевидный вопрос, с которого должен начинаться наш анализ, это — насколько стабильной была личность во время этого периода радикальных изменений. Для ответа на этот вопрос и получения ключевых показателей изменений личности для дальнейшего анализа мы разработали лонгитюдные измерительные модели тех же измерений личности, которые изучались в кросс-секционном анализе Польши и Украины в 1992-93 годах [14, табл. А-1 в приложении], а еще ранее изучались для США [12, гл. 6, приложения С, D], для Польши, когда она была социалистической [13, гл. 4], и для Японии [8]. Сначала рассмотрим измерение “авторитарный консерватизм — непредвзятость”, обдуманно отобранное как хорошо измеряемая характеристика ори-

¹ Опрос по репрезентативной выборке из 4500 украинских семей, проведенный КМИС летом 1996 года, показал, что почти 62% городского населения были заняты натуральным сельским хозяйством, расходуя на это в среднем 24 часа в неделю. Среди городских жителей этим занимались не только рабочие, занятые физическим трудом, но также самозанятые и мелкие работодатели.

ентаций относительно себя и общества, оказавшаяся высоко стабильной в лонгитюдном анализе мужчин США. Исходная модель показала разительно низкую корреляцию во времени (которую мы будем называть стабильностью) этого измерения ориентаций (на уровне 0,18 для мужчин и 0,37 для женщин), — особенно для такого относительно короткого интервала в три–три с половиной года (даже в те беспокойные времена, которые тогда переживала Украина). В противовес этому в США в течение 10-летнего периода значительно большей социальной стабильности (1964–1974), корреляция во времени для мужчин составляла 0,78 [12, с. 328]. Что может оказаться более пригодным сравнением, хотя и базирующимся на малой выборке, так это анализ подвыборки из 99 мужчин и 98 женщин из южной части Польши, проведенный Богданом Махом¹ примерно для того же периода, что и исследование в Украине, правда, на более позднем этапе преобразований, согласно которому корреляция во времени и для мужчин и для женщин была почти такой же высокой, как и для мужчин США: 0,78 для мужчин и 0,76 для женщин.

Мы были настолько удивлены чрезвычайно низкой стабильностью авторитарного консерватизма в Украине, что сочли нецелесообразным продолжать анализ, пока не убедимся, что этот результат не является артефактом из-за какого-либо недостатка в полевой работе либо в сопоставлении респондентов базового и повторного исследований или в обработке данных². Поэтому мы проследили свои шаги, начиная с отбора и нахождения респондентов для повторного опроса, не только просматривая при этом полевые заметки, но и проводя короткие интервью с респондентами повторного опроса, чтобы убедиться, что они действительно были респондентами базового опроса. Мы также проверили наши процедуры стыковки файлов с базовыми и повторными данными, чтобы выяснить, не перепутали ли мы кого-нибудь из респондентов 1992-93 и 1996 годов. Ранее мы обнаружили, что информация, содержащаяся в четырех начальных и повторных интервью относительно таких персонифицированных характеристик, как возраст, пол, уровень образования, брачный и родительский статус, была настолько противоречивой, что наводила на мысль, не проинтервьюировали ли мы другого человека в повторном опросе или же не были ли какие-то интервью поддельными. Поэтому мы систематически проанализировали соответствие такой информации для всех людей, попавших в лонгитюдную выборку. Мы также усовершенствовали критерий включения респондентов в повторную выборку.

Мы не обнаружили несоответствий, которые бы требовали исключения из выборки других респондентов (хотя и нашли несколько несоответствий, которые мы смогли исправить и которые были обусловлены скорее непра-

¹ Базовое исследование для обсуждаемого здесь и далее анализа польской ситуации представляло собой непосредственный опрос репрезентативной выборки из всех мужчин и женщин из городских районов Польши [14]. Повторное исследование проводилось на основе небольшой, но репрезентативной подвыборки из тех членов начальной выборки, которые жили в южной части страны.

² Здесь мы придерживаемся стратегии, согласно которой прежде чем заниматься содержательной интерпретацией межнациональных различий, следует всегда попытаться исключить возможность того, что эти различия являются методологическим артефактом [5, с. 719–721].

вильным кодированием, нежели неправильной стыковкой). Хотя мы обнаружили, что 28 респондентов, в начальном опросе сказавших, что они “работают”, не представили убедительных доказательств того, что они действительно были занятыми, находились в отпуске или активно искали работу. Мы изъяли их из выборки как не относящихся к экономически активному населению. Ни исключение их из выборки, ни корректировка противоречивой информации не внесли ни малейших изменений в измерительную модель авторитарного консерватизма. Например, стабильность авторитарного консерватизма как для мужчин, так и для женщин осталась неизменной (окончательная модель измерения приведена в таблице 1). Мы считаем это важным свидетельством против того, что низкая временная корреляция так или иначе была результатом методологического артефакта. Ниже мы приведем больше доказательств.

Таблица 1

Лонгитюдная измерительная модель авторитарного консерватизма, Украина (1992-93 и 1996 годы)

Концепты и индикаторы	Стандартизированные пути: концепты к индикаторам			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Авторитарный консерватизм				
Главное, чему нужно учить детей, это безусловному послушанию родителям	0,50*	0,40*	0,64*	0,53*
Не следует поступать иначе, чем поступали наши отцы и деды	0,67*	0,49*	0,62*	0,47*
Чтобы добиться уважения подчиненных, хороший руководитель должен быть с ними строг	0,44*	0,56*	0,44*	0,42*
Только полагаясь на руководителей и специалистов, в этом сложном мире можно правильно решать, что делать	0,41*	0,46*	0,47*	0,31*
Ни один порядочный мужчина не может уважать женщину, имевшую половые отношения до бракосочетания	0,42*	0,31*	0,52*	0,54*
К представителям власти всегда нужно проявлять уважение	0,48*	0,31*	0,41*	0,42*
Руководителям нужно подчиняться независимо от того, убежден ты в их правоте или нет	0,30*	0,52*	0,36*	0,53*
Молодежи нельзя позволять читать книги, которые могут сбить ее с пути истинного	0,30*	0,40*	0,49*	0,42*
Временная корреляция концепта	0,18*		0,37*	
Отношение χ^2 к степеням свободы	2,11			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,05			
Количество случаев	380		460	

* $p < 0,05$.

Примечание: Высокие значения индикатора свидетельствуют о полном согласии с утверждением, низкие — о полном несогласии.

Другие измерения ориентаций

Логично встает следующий вопрос: является ли такая низкая стабильность авторитарного консерватизма проявлением более общего характера нестабильности ориентаций относительно себя и общества или же она почему-либо характерна только для этого конкретного измерения? Чтобы ответить на него, нужно проверить стабильность всех семи измерений ориентаций, использованных в нашем анализе — тревожности, авторитарного консерватизма, восприимчивости к изменениям, личностно ответственных норм морали, уверенности в себе, самоосуждения и доверчивости.

Мы разработали удовлетворительные лонгитюдные измерительные модели для всех этих измерений ориентаций — удовлетворительные, судя по хорошему соответствию модели собранным данным (см. колонку 1 табл. 2) и согласованности ее параметров с параметрами кросс-секционных моделей для Украины и других стран и лонгитюдных измерительных моделей для Соединенных Штатов и Польши. По этим моделям мы узнаем, что, хотя для мужчин авторитарный консерватизм является одним из двух наименее стабильных из всех семи измерений ориентаций, у женщин он занимает промежуточное положение, и в любом случае (даже для мужчин) это не единственное измерение с низкой стабильностью: несколько измерений ориентаций имели малую или умеренную стабильность для одного или обоих полов (см. колонки 2 и 3 табл. 2). Мы также узнаем, что величины временной корреляции значительно варьируют: от 0,17 до 0,56 для мужчин и от 0,16 до 0,59 для женщин¹. Более того, наблюдается определенный патерн относительной стабильности для некоторых измерений ориентаций. Как для мужчин, так и для женщин наиболее стабильными среди этих измерений личности являются личностно ответственные нормы морали и доверчивость, тогда как самоосуждение, уверенность в себе и тревожность относятся к наименее стабильным. В терминах устоявшейся (хотя и искусственной) классификации [4, с. 78–84], концепция самости обычно менее стабильна, чем социальная ориентация, по крайней мере в этот период активных социальных изменений.

Для сравнения: в США для мужчин за десятилетний период с 1964 до 1974 года показатели временной корреляции устойчиво оставались значительно большими — в это относительно стабильное время они изменялись от 0,53 до 0,81 (см. табл. 2, колонку 4). Хотя за исключением авторитарного консерватизма патерн большей или меньшей стабильности остальных измерений ориентаций для мужчин США почти такой же, как и для украинских мужчин и женщин. Величины временной корреляции для *польских* мужчин и женщин за приблизительно тот же период, что и исследование в Украине (табл. 2, колонки 5, 6), в целом были (хотя и не без исключений) значительно выше, чем для украинцев того же пола — иногда корреляция

¹ То, что показатели стабильности разных измерений ориентаций существенным образом не совпадают, а несколько измерений имеют значительные различия по своей стабильности среди мужчин и женщин (причем для мужчин более стабильны восприимчивость к изменениям и личностно ответственные нормы морали, а для женщин — авторитарный консерватизм и доверчивость), служит еще одним свидетельством того, что низкую стабильность личности нельзя считать неким общим методологическим артефактом.

достигала уровня показателей для американцев одного или обоих полов. Анализ Маха показывает, что в Польше, как и в США, патерн относительно большей и относительно меньшей стабильности почти такой же, как для украинских мужчин и женщин, за исключением того, что в Польше, как и в США, наблюдается высокая стабильность авторитарного консерватизма. Одним словом, кроме одного заслуживающего внимания исключения — низкой стабильности авторитарного консерватизма в Украине, особенно для мужчин, в украинском *патерне* более и менее стабильных измерений ориентаций нет ничего необычного. Чем Украина в этот период радикальных социальных изменений действительно отличается, так это не патерном, а величиной показателей стабильности: в Украине большинство измерений ориентаций намного менее стабильны, чем в США (в течение гораздо более спокойного для Соединенных Штатов десятилетия) и, разве что в меньшей мере, чем в этот же период (но на более поздней стадии преобразований) в Польше.

Таблица 2

Временная корреляция первопорядковых измерений ориентаций (украинские мужчины и женщины в 1992-93 и 1996 годах; мужчины США в 1964 и 1974 годах; польские мужчины и женщины в 1992 и 1996 годах)

Измерения ориентаций:	Временная корреляция (стабильность)					
	Украина, с 1992-93 до 1996			США, 1964–1974	Польша, 1992–1996	
	(RMSEA)	Мужчины	Женщины	Мужчины	Мужчины	Женщины
Тревожность	(0,05)	0,26*	0,28*	0,53*	0,42*	0,62*
Авторитарный консерватизм	(0,05)	0,18*	0,37*	0,78*	0,78*	0,76*
Восприятие изменений	(0,06)	0,36*	0,16	–	0,56	0,74*
Личностно ответственные нормы морали	(0,04)	0,56*	0,38*	0,65*	0,52*	0,63*
Уверенность в себе	(0,05)	0,31*	0,27*	0,52*	0,32	0,29*
Самоосуждение		0,17	0,18*	0,55*	0,55*	0,56*
Доверчивость	(0,04)	0,42*	0,59*	0,81*	–	–
Количество случаев		379	452	687	99	98

Примечания:

- 1) RMSEA — корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации (Root Mean Square Error of Approximation);
- 2) уверенность в себе и самоосуждение оценены по единой измерительной модели, поэтому здесь есть только один показатель адекватности объединенной модели;
- 3) данные для мужчин США взяты из [12, табл. С-1, с. 328];
- 4) данные для Польши представлены в моделях измерений, разработанных Богданом Махом;
- 5) для восприимчивости к изменениям мужчин США и доверчивости польских мужчин и женщин не были построены лонгитюдные измерительные модели.

Измерительная модель ориентаций “второго порядка”

Несмотря на нестабильность этих измерений ориентаций, мы выдвинули гипотезу о том, что конфирматорный факторный анализ “второго порядка”¹ даст два таких же базовых измерения — самостоятельность ориентаций versus конформизм к внешней власти и ощущение дистресса versus ощущение благополучия — как показал предыдущий анализ кросс-секционных данных базового украинского исследования и сравнительное исследование в Польше [14, табл. 1], а также исследование в США [12, рис. 6.3, с. 147; 19, табл. 2], в Польше времен социализма [13, рис. 4.3, с. 87] и в Японии [8]. Так и оказалось (см. табл. 3). Самостоятельность ориентаций отражена, во-первых, в восприимчивости к изменениям и непредвзятости (то есть отсутствии авторитарно консервативных убеждений), а во-вторых, в личностно ответственных стандартах морали и в доверии к другим — все это согласуется с нашими теоретическими предположениями и результатами предварительного анализа. Дистресс отразился, во-первых, в самоосуждении и тревожности, а во-вторых, — в отсутствии уверенности в себе, что соответствует здравому смыслу и совпадает с предварительными выводами. Эта модель (и это подтверждают данные) полностью подобна для мужчин и женщин как в базовом, так и в повторном опросе.

Основной интерес для нашего анализа представляет то, что стабильность во времени этих базовых измерений ориентаций, как и ожидалось, очень низка: 0,28 и 0,22 — самостоятельность ориентаций и дистресса для мужчин, 0,18 и 0,32 — самостоятельность ориентаций и дистресса для женщин. Эти цифры будем считать настолько близкими к реальности, насколько это вообще возможно (см. предыдущее примечание). Для мужчин

¹ Конфирматорный факторный анализ второго порядка является, по сути, факторным анализом факторного анализа, когда выясняют, какие фундаментальные измерения лежат в основе множества факторов, выведенного из анализа измеренных индикаторов. Поскольку мы имели семь измерений ориентаций первого порядка, измеренных в два момента времени и базирующихся на множестве из 76 индикаторов, действительный (с полной информацией) анализ второго порядка, который бы одновременно оценил как связи факторов первого порядка с их индикаторами, так и связи факторов второго порядка с факторами первого порядка, оказался слишком громоздким для проверки всего сразу, в том числе в двухгрупповой модели для обоих полов. Поэтому мы использовали корреляции факторных значений факторов первого порядка как входные данные для конфирматорного факторного анализа, в котором эти факторные значения использованы как измеряемые переменные (именно поэтому в таблице 3 слова “второго порядка” мы употребляем в кавычках, чтобы указать, что это не настоящая модель второго порядка, а ее аппроксимация). Поскольку корреляции факторных значений всегда занижают реальные корреляции, мы были обеспокоены тем, что приближенная модель “второго порядка”, базирующаяся на корреляциях факторных значений для измерений первого порядка, может недооценить временную корреляцию концептов второго порядка. Чтобы убедиться, что этого не произошло, мы воспроизвели модель (отдельно для каждого пола), как в случае моделей с полной информацией, допуская такие же корреляции остатков индикаторов как в отдельных измерительных моделях факторов первого порядка, и такие же корреляции остатков факторов первого порядка, как в модели “второго порядка”. Новые оценки временных корреляций самостоятельности ориентаций и дистресса были очень близки к оценкам в приближенной модели, что убедило нас в том, что мы не допустили недооценки этих корреляций.

США соответствующие показатели составляют 0,78 и 0,59 [12, рис. 6.3, с. 147]. Таким образом, главным достижением этого исследования является то, что значительная нестабильность этих базовых измерений личности наблюдалась в период трех – трех с половиной лет происходящих социальных изменений. Этот результат ощутимо противоречит всей накопленной массе исследований и работ по психологии ([1] является образцом), в которых речь идет о такой непоколебимо высокой стабильности личности, что некоторые исследователи [17; 18] приходят к выводу, что должна быть преимущественно биологическая (главным образом генетическая) основа личности. Но соответствующие исследования базировались не только на совершенно иных аспектах личности, чем изучаемые в рамках исследований социальной структуры и личности, но и на выборках преимущественно из более обеспеченных слоев населения. К тому же — что критически важно — хотя некоторые косвенные доказательства основаны на исследованиях в странах, переживавших или уже переживших радикальные социальные изменения, *лонгитюдный* анализ неизменно проводился в условиях гораздо большей социальной стабильности, чем та, что была в Украине во время нашего исследования. Предыдущие исследования не противоречат нашим показателям высокой нестабильности базовых измерений личности, ведь, насколько нам известно, пока не проводилось исследований стабильности этих или подобных измерений личности в условиях радикальных социальных изменений, были только исследования с обобщениями, выходящими далеко за пределы, оправданные имеющимися эмпирическими основаниями.

Таблица 3

**Лонгитюдная измерительная модель ориентаций “второго порядка”,
Украина (1992-93 и 1996 годы)**

Концепты второго и первого порядка	Стандартизированные пути: концепты второго порядка к концептам первого порядка			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
<i>Самостоятельность ориентаций</i>				
Авторитарный консерватизм	-0,40*	-0,48*	-0,58*	-0,47*
Личностно ответственные нормы морали	0,25*	0,40*	0,27*	0,37*
Доверчивость	0,36*	0,38*	0,19*	0,34*
Восприимчивость к изменениям	0,78*	0,55*	0,56*	0,62*
<i>Дистресс</i>				
Уверенность в себе	-0,43*	-0,45*	-0,25*	-0,38*
Самоосуждение	0,85*	0,65*	0,70*	0,72*
Тревожность	0,46*	0,51*	0,58*	0,54*
Корреляция между самостоятельностью ориентаций и дистрессом	-0,15*	-0,29*	-0,40*	-0,36*

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
<i>Временная корреляция:</i>				
Самостоятельности ориентаций	0,28*		0,18*	
Дистресса	0,22*		0,32*	
Отношение χ^2 к степеням свободы	2,33			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,06			
Количество случаев	379		452	

* $p < 0,05$

Умственная гибкость

Есть еще одно измерение личности, жизненно важное не только для наших оценок стабильности личности, но и для нашего анализа длительных взаимосвязей между социальной структурой и личностью, — это умственная гибкость, которую мы измеряем, оценивая умственную деятельность респондента в самой ситуации интервью. Наша модель измерения умственной гибкости (см. табл. 4) базируется на наших оценках адекватности ответов респондента на два, казалось бы, простых, но очень показательных когнитивных вопроса; их склонности “соглашаться”, отвечая на вопрос типа “согласен – не согласен”, и (в 1996 году) оценке интервьюером умственных способностей респондента на основе длительного разговора, требовавшего многих размышлений и высказываний (оценка, которая невольно осталась за пределами начального интервью). Полное обоснование данного подхода, формулировка вопросов и кросс-секционных измерительных моделей для Польши и Украины приведено в работе [15, с. 203–205].

Мы не считаем, что ни один из этих индикаторов умственной гибкости не является смещенным, но мы действительно считаем, что все эти индикаторы в существенной степени отражают эффективность решения человеком умственных требований сложных задач. Чтобы быть уверенными в том, что смещение какого-либо из индикаторов не отражается на нашем измерении базового концепта, — при условии, что эти смещения не разделяют остальные индикаторы, — мы полагаемся на конфирматорный факторный анализ.

Модель соответствует данным, ее отношение χ^2 к количеству степеней свободы составляет 1,76, а корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации равен 0,03. Корреляции во времени умственной гибкости (0,52 для мужчин и 0,55 для женщин) значительно сильнее корреляций самостоятельности ориентаций или дистресса, но намного меньше этого показателя для умственной гибкости мужчин США (0,93). Впрочем, мы должны учитывать, что украинская модель может недооценивать действительную временную корреляцию, поскольку в базовом исследовании отсутствует оценка умственных способностей респондента интервьюером. Анализируя кросс-секционные польские данные и сравнивая полную четырехиндикаторную модель с моделью, использующей только три индикатора, доступные для Украины, Кон с коллегами [15, с. 204] обнаружили, что отсутствие четвертого индикатора приводит к занижению корреляций умственной

гибкости с социально-структурными переменными примерно на одну пятую. Экстраполируя, мы сделали вывод, что наша лонгитюдная измерительная модель может занижать временную корреляцию умственной гибкости для Украины почти на такую же величину, из чего будет следовать, что действительная стабильность во времени для Украины должна была быть на уровне 0,60–0,65. Такая стабильность во времени все еще была бы существенно меньшей, чем для мужчин США в течение более стабильного десятилетия. Вполне возможно, что в Украине в этот период радикальных социальных изменений умственная гибкость была намного менее стабильной, чем в Соединенных Штатах в более стабильные времена, но все-таки значительно более стабильной, чем и самостоятельность ориентаций, и дистресс.

Таблица 4

**Лонгитюдная измерительная модель умственной гибкости, Украина
(1992-93 и 1996 годы)**

Индикаторы	Стандартизированные пути: концепты к индикаторам			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Вопросы “Рекламы”	0,44*	0,23*	0,45*	0,49*
Вопросы “Киоск”	0,46*	0,23*	0,36*	0,22*
Сумма ответов “согласен”	-0,07*	-0,26*	-0,22*	-0,46*
Оценка интервьюером умственных способностей респондента	–	0,63*	–	0,51*
Отношение χ^2 к количеству степеней свободы	1,76			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,03			
Корреляция концептов во времени	0,52*		0,55*	
Количество случаев	379		459	

* $p < 0,05$.

Социальная структура и личность

То, что самостоятельность ориентаций и дистресс были настолько нестабильны в течение периода радикальных социальных изменений в Украине — и то, что даже умственная гибкость, видимо, была здесь менее стабильной, чем в течение десятилетия явной социальной стабильности в Соединенных Штатах, — ставит центральный вопрос этой статьи в его острейшей форме — *возможны ли стабильные связи между социальной структурой и личностью, несмотря на нестабильность личности?*

Концептуализация и индекс структурной локализации

Для оценки связей между социальной структурой и личностью в процессе социальных и экономических преобразований мы концептуализируем *социальную структуру* таким образом, что она охватывает не только занятые части населения, но и тех, кто не зарабатывает денег. Для этого мы используем классификацию *социальных классов*, разработанную Коном с коллегами [14] для занятых частей населения Польши и Украины в переход-

ный период, добавляя к ней соответствующие категории для *незанятых* частей населения этих стран. Полученную классификацию мы называем *структурной локализацией*.

Под “социальными классами” будем понимать группы, определенные в терминах отношения к собственности на средства производства и к контролю над ними и рабочей силой других людей. Социальные классы — это отдельные группы (“номинальные” категории), а не континуум и даже не совокупность категорий, которые могут быть проранжированы как высшие или низшие по какому-либо единому базовому измерению. Наша классификация социальных классов берет начало в концептуализации социального класса для развитых капиталистических обществ Эрика Райта [21], как она была модифицирована для Соединенных Штатов Коном и Шоенбахом [9] и потом дополнительно модифицирована для социалистической Польши Коном и Сломчинским [13]. Для Польши и Украины в переходный период Кон с коллегами [14] опустили разграничение работников физического труда, занятых в централизованно управляемых секторах польской социалистической экономики, и работников физического труда, занятых в неосновных секторах экономики, как несущественное для экономик переходного периода, и добавили размежевание собственников, нанимавших значимое количество рабочих за пределами семьи (работодатели), и собственников, которые этого не делали (самозанятые), поскольку такое различие в Польше и в Украине в переходный период становилось более существенным, чем в социалистической Польше. Они начали также различать экспертов и других работников нефизического труда, что казалось особенно уместным для переходных экономик. Полученная совокупность социальных классов описана в первых семи категориях приведенной ниже классификации.

В период преобразований мы должны учитывать и незанятые сегменты населения: не только тех, кто не имеет оплачиваемой работы и ищет ее (безработные), но и других незанятых людей, которые занимают определенные позиции в социально-экономической структуре, в том числе домохозяйки и пенсионеры. Это необходимо и в данном исследовании, несмотря на то, что повторная выборка была ограничена людьми, которые на время начального исследования относились к экономически активному населению, — поскольку в последующие три или три с половиной года многие из них стали домохозяйками и пенсионерами. Таким образом, наша итоговая классификация структурной локализации сочетает классификацию социальных классов, разработанную Коном и коллегами для занятых [14], с категориями, которые Кон и его коллеги предложили для основных сегментов незанятой части взрослого населения [15; 16]:

1. *Работодатели*: владельцы средств производства, которые нанимают по крайней мере трех работников, не принадлежащих к их семье.
2. *Самозанятые*: владельцы средств производства, которые имеют не более двух наемных работников вне круга родственников, и члены их семей, которые работают на таких предприятиях.
3. *Менеджеры*: работники, направляющие и контролирующие деятельность фирмы, организации, крупного правительственного учреждения или его большого подразделения, а также другие работники соответствующих должностных категорий, которые прямо или опосредованно руководят деятельностью более чем 50 лиц, среди которых есть супервизоры.

4. *Супервизоры*: все остальные работники, которые руководят деятельностью по крайней мере двух человек.
5. *Эксперты*: неработающие работники, занимающие должности, которые обычно требуют высшего университетского или технического образования.
6. *Работники нефизического труда*: все неработающие работники, чей труд включает существенную нефизическую составляющую, но не относящиеся к числу экспертов.
7. *Работники физического труда*: неработающие работники, занятые преимущественно физическим трудом.
8. *Безработные*: те, кто не является занятым оплачиваемым трудом по крайней мере 15 часов в неделю и ищет работу.
9. *Пенсионеры*: люди, которые вышли на пенсию по возрасту, по собственному желанию или по каким-либо иным причинам рано оставившие работу или ставшие нетрудоспособными.
10. *Домохозяйки*: женщины, не занятые оплачиваемым трудом хотя бы 15 часов в неделю и считающие себя домохозяйками, даже если ищут оплачиваемую работу.
11. Незначительная доля взрослого населения — *студенты* дневной формы обучения — исключена из данного анализа, поскольку никто из тех, кто на время базового опроса принадлежал к экономически активному населению, не оставил эту категорию, чтобы стать студентом дневной формы обучения.

В рамках соответствующего анализа мы также будем выделять женщин, которые имели работу, но находились в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, а также лиц, которые работали менее 15 часов в неделю (но не искали работы на полный день).

Структурная локализация и личность в 1992-93 и 1996 годах

Поскольку подвыборка респондентов 1992-93 годов, которых опросили еще раз в 1996 году, не включает тех, кто на время базового исследования был домохозяйкой или пенсионером, но некоторые люди, относившиеся ранее к экономически активному населению, на время исследования 1996 года перешли в ряды незанятых, наиболее пригодным базисом для сравнения с подвыборкой 1996 года является полная (кроме студентов) кросс-секционная выборка 1992-93 годов (см. табл. 5)¹. Выборка 1996 года не является полностью репрезентативной для городского взрослого населения Украины в

¹ Наше толкование отдельных категорий в классификации структурной локализации несколько отличается от предыдущих анализов опроса 1992-93 годов. В работе М.Кона и др. [16] из анализа украинской выборки 1992-93 годов были исключены респонденты старше 65 лет, чтобы эти данные можно было сравнивать с данными Польши, где выборка ограничивалась людьми в возрасте до 65 лет. Но для анализа только Украины это возрастное ограничение не понадобилось, и для сравнения выборки 1992-93 годов с респондентами 1996 года более информативным будет включение старших респондентов, в частности пенсионеров. Более ранние стадии анализа также охватывали взрослых респондентов, как правило, молодых, которые были студентами дневной формы обучения. Поскольку эти студенты не были включены в повторный опрос и ни один из респондентов этого опроса не стал за этот промежуток времени студентом дневной формы обучения, включение респондентов, бывших на время исследования 1992-93 годов студентами, сделало бы респонден-

этом году не только потому, что повторные выборки никогда полностью не совпадают с кросс-секционными выборками, но и потому, что в нашей выборке 1996 года категория пенсионеров и домохозяек ограничена некогда занятыми женщинами и мужчинами, которые *стали* пенсионерами или домохозяйками в течение нескольких лет между опросами. Это ограничение репрезентативности выборки 1996 года ведет к небольшой потере, но также и к стратегическому преимуществу, поскольку концентрирует наше внимание на людях, ставших незанятыми в период радикальных социальных изменений.

Таблица 5

Структурная локализация и личность, Украина (1992-93; 1996 годы)

Категории	Стандартизированные отклонения от среднего для всех людей определенного пола из соответствующей выборки							
	Количество случаев		Самостоятельность ориентаций		Дистресс		Умственная гибкость	
	1992-93	1996	1992-93	1996	1992-93	1996	1992-93	1996
1	2	3	4	5	6	7	8	9
А. Мужчины								
<i>Структурная позиция</i>								
Менеджеры и работодатели	(27)	(17)	0,69	0,59	-0,26	-0,42	0,60	1,05
Самозанятые	(15)	(21)	0,24	0,00	-0,12	0,12	-0,14	0,04
Супервизоры	(116)	(69)	0,16	0,12	-0,32	-0,02	0,11	0,21
Эксперты	(31)	(20)	0,77	0,46	-0,43	-0,33	0,39	0,93
Работники нефизического труда	(19)	(5)	0,45	-	-0,20	-	0,39	-
Работники физического труда	(319)	(165)	0,03	-0,10	-0,09	-0,08	0,00	-0,27
Ищут работу или оставили попытки	(37)	(23)	0,27	-0,04	0,31	0,35	0,21	-0,21

тов 1992-93 и 1996 годов сопоставимыми, поэтому мы их исключили. Кроме того, мы объединили две пары категорий. И для женщин, и для мужчин мы объединили менеджеров и работодателей, поскольку в каждой категории было всего по несколько респондентов, обе категории предполагали контроль над рабочей силой других, а респонденты из этих двух категорий имели подобные, с нашей точки зрения, параметры личности. Также мы соединили относительно небольшое количество женщин в декрете или в отпуске по уходу за ребенком с более многочисленной категорией домохозяек. Как и в предыдущем случае, респонденты из этих двух категорий почти не отличаются по параметрам личности. Кроме того, мы присоединили тех немногих людей, которые потеряли работу и оставили активные попытки найти новую, к тем, кто продолжал активно искать оплачиваемую работу, создав общую категорию "ищет работу или оставил попытки". Ни одна из этих модификаций нашей базовой классификации не противоречит данным таблицы 5, но это способствует лучшей сопоставимости данных 1992-93 и 1996 годов.

Окончание табл. 5

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Пенсионеры	(217)	(15)	-0,43	-0,52	0,36	0,44	-0,24	-0,31
Занятые < 15 часов в неделю	(6)	(14)	-	-0,02	-	-0,14	-	-0,07
Корреляция (η)			0,38*	0,32*	0,32*	0,31*	0,27*	0,60*
Корреляция (η), только для занятых			0,26*	0,30*	0,15	0,16	0,24*	0,62*
Б. Женщины								
<i>Структурная позиция</i>								
Менеджеры и работодатели	(3)	(10)	-	0,63	-	-0,74	-	-0,64
Самозанятые	(10)	(15)	0,31	-0,11	-0,13	0,26	-0,03	-0,16
Супервизоры	(102)	(72)	0,27	0,08	-0,26	-0,18	0,17	0,32
Эксперты	(74)	(48)	0,67	0,24	-0,21	-0,11	0,60	0,51
Работники нефизического труда	(130)	(88)	0,19	-0,10	-0,22	-0,13	0,18	0,08
Работники физического труда	(234)	(121)	0,00	-0,02	-0,07	0,02	-0,04	-0,37
Ищут работу или оставили попытки	(31)	(22)	0,19	-0,08	-0,02	0,35	0,43	0,17
Пенсионеры	(356)	(18)	-0,42	-0,10	0,35	0,28	-0,34	-0,60
Занятые < 15 часов в неделю	(5)	(22)	-	0,19	-	0,39	-	-0,11
Домохозяйки или женщины в декрете или в отпуске по уходу за ребенком	(194)	(13)	0,20	-0,48	-0,20	0,16	0,17	-0,15
Корреляция (η)			0,35*	0,37*	0,31*	0,24*	0,33*	0,47*
Корреляция (η), только для занятых			0,25*	0,33*	0,14	0,18	0,26*	0,46*

* $p < 0,05$.

Характер связей между структурной локализацией и личностью в 1996 году почти такой же, как и в 1992-93 годах: мужчины и женщины, принадлежащие к более благоприятным структурным позициям, имели большую самостоятельность ориентаций, большую умственную гибкость и испытыва-

ли меньший дистресс по сравнению с мужчинами и женщинами, которые занимают менее благоприятные структурные позиции. В частности, как это было характерно в 1992-93 годах для мужчин (в то время женщин-менеджеров или работодателей было недостаточно для каких-либо конкретных выводов), менеджеры, работодатели (единицы) и эксперты сосредоточивались в 1996 году на одном полюсе, а пенсионеры — на другом. Заслуживает внимания то, что пенсионеры 1996 года (то есть, по нашему критерию выборки, те, кто только что вышел на пенсию) отличались столь же малой самостоятельностью, умственной гибкостью и высокой степенью дистресса, как и пенсионеры 1992-93 годов (которые, согласно нашему критерию отбора, в повторную выборку не попали). ***Стабильность в соотношении структурной локализации и личности сосуществовала с нестабильностью личности.***

В той мере, в какой с 1992-93 по 1996 год в соотношении структурной локализации и личности проявились изменения, показатели Украины 1996 года ближе к показателям Польши 1992-93 годов, чем Украины тех лет, — преобразования в Польше тогда уже продвинулись дальше (этот вывод основан на сравнении табл. 5 с табл. 1 в работах М.Кона и др. [16]). В частности, в 1992-93 годах между польскими и *украинскими* безработными прослеживалось четкое различие — безработные поляки были *менее* самостоятельными и менее умственно гибкими, чем большинство людей их пола, особенно занятых, тогда как безработные украинцы были *более* самостоятельными в своих ориентациях и интеллектуально более гибкими: нежели большинство людей их пола, так же или даже больше, чем среднестатистические занятые. В упомянутой работе [16] эта относительно большая степень самостоятельности ориентаций украинских безработных по сравнению с польскими в 1992-93 годах объяснялась тем, что первый основной удар украинской безработицы пришелся на более молодых и лучше образованных граждан. В 1996 году украинские безработные (особенно мужчины) были менее самостоятельными и умственно гибкими, чем три года назад. Безработные украинские женщины, которые в 1992-93 годах испытывали дистресс не больше, чем в среднем все женщины, стали, как и безработные украинские мужчины (и безработные поляки), намного более дистрессированными по сравнению с остальными украинками. *Домохозяйки* и женщины в декрете и в отпуске по уходу за ребенком также стали относительно более дистрессированными — более похожими на вынужденных польских домохозяек 1992 года, чем на тех украинских домохозяек того времени, которые не были склонны работать полный рабочий день. Украина преодолела начальный кризис безработицы. Что касается классовых различий среди занятых, то характер их в Украине 1992-93 годов был очень схож с польским ([14, табл. 2]), хотя в Польше корреляции между классом и личностью были более сильными. Межнациональные различия (между Польшей и Украиной) в характере связей структурной локализации и личности существовали только среди незанятых.

Величины корреляций между структурной локализацией и личностью (измеренные коэффициентом η , корреляционным отношением, которое является соответствующим для номинальной переменной, такой как структурная локализация) в Украине 1996 года примерно такие же, что и в 1992-

93 годах и для самостоятельности ориентаций¹, а для умственной гибкости, вероятно, увеличились (даже учитывая то, что показатели для 1992-93 годов могут быть заниженными²). Безусловно, за эти годы связи между структурной локализацией и личностью существенно не ослабли.

Более глубокое понимание связи между социальной структурой и личностью в период преобразований в Украине дает изучение величин корреляции (η) не для *всех* категорий городского населения, а только для занятых, то есть для социальных классов. Из таблицы 5 видно, что коэффициенты η для связей между социальным классом и умственной гибкостью примерно такие же большие, как и для структурной локализации — следовательно, классовые различия среди занятых такие же ощутимые, как и различия между занятыми и незанятыми. Для самостоятельности ориентаций некоторые η для классов значительно меньше η для структурной локализации. Для *дистресса* коэффициенты η для социальных классов всегда намного *меньше* η для структурной локализации и даже не являются статистически значимыми. Именно с учетом пенсионеров (в оба периода как для мужчин, так и для женщин), а также безработных и частично занятых (в оба периода для мужчин, а для женщин и домохозяек, присоединившихся к ним позднее, только в 1996 году) можно говорить об усилении общей взаимосвязи между структурной локализацией и дистрессом. Пожалуй, симптоматич-

¹ Мы пытаемся определить “настоящие” величины корреляций (η), скорректированные на аттенюацию в факторных значениях или значениях латентной переменной. Данные для 1992-93 годов базируются на факторных значениях, вычисленных по программе FSCORE, определяющей точную корреляцию между реальными и факторными значениями для всех трех измерений личности; на основании этой информации мы можем скорректировать коэффициенты η , чтобы строго учесть ненадежность факторных значений. Данные 1996 года основываются на значениях латентных переменных, полученных с помощью программы LISREL, которая не дает никакой информации о соотношении между реальными значениями и значениями латентных переменных. Систематически сравнивая величины корреляции значений латентных переменных с другими порядковыми переменными и действительные корреляции, полученные в соответствующих моделях с полной информацией, мы оценили *приблизительные* величины соотношений между значениями латентных переменных и реальными значениями для самостоятельности ориентации и дистресса. Для умственной гибкости, где мы построили как факторные значения, так и значения латентных переменных, прекрасно коррелирующие между собой, мы используем корреляции реальных значений и *факторных* значений как нашу оценку корреляции реальных значений и значений *латентных переменных*. Если бы мы ничего не делали для уточнения коэффициентов η с учетом ненадежности факторных значений или значений латентных переменных для трех измерений личности, все оценки величины были бы меньшими, однако общий вывод о том, что величины соотношений в 1996 году в целом были такими же или большими, чем в 1992-93 годах, все равно оставался бы справедливым.

² Проблема, опять-таки, в том, что индексу интеллектуальной гибкости для 1992-1993 годов недостает важного индикатора — оценки интервьюером умственных способностей респондента. Как отмечено в тексте, этот индекс, рассчитанный таким образом, может недооценивать корреляции социально-структурной позиции с умственной гибкостью примерно на 20%. Даже если мы на 20% увеличим наши оценки коэффициента η для связи структурной позиции с умственной гибкостью в 1992-93 годах, все равно η для 1992-93 годов был бы значительно ниже, чем для 1996 года, когда в измерительной модели этот важный показатель учитывался.

ным для такого неоднозначного перехода Украины от социализма к капитализму является то, что в Украине показатели работников физического труда (у которых в социалистической Польше преобладало ощущение благополучия, а в новообразованной капиталистической — заметный дистресс) и в 1992-93 годах, и три – три с половиной года спустя, в 1996 году, были близки к среднему значению для всего взрослого городского населения соответствующего пола, как занятого, так и незанятого. По-настоящему резкий контраст между ощущением благополучия или дистресса наблюдается не между работниками физического труда и более благоприятными социальными классами, а между занятыми и незанятыми.

Таким образом, мы должны помнить, что связи социальной структуры с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью значительны по величине и статистически значимы независимо от включения в анализ незанятых, тогда как связи социальной структуры с дистрессом статистически значимы и значительные по величине лишь тогда, когда мы учитываем незанятых. Следует также помнить, что связи социальных классов со всеми тремя измерениями личности были в Украине в 1992-93 годах слабее, чем в Польше примерно в это же время [14], поэтому практическое отсутствие изменений с течением времени в Украине свидетельствует о сохранении различий между Польшей, быстро продвинувшейся к капитализму, и Украиной, где этого не произошло. Продолжающийся процесс радикальных социальных изменений в Украине не ослабил связей социальной структуры и личности, однако смог помешать связям социальных классов и стратификации с личностью стать такими же сильными, какими они были в Польше.

Но что бы ни было причиной разного характера связей социальной структуры с дистрессом в отличие от связей с самостоятельностью ориентаций и с умственной гибкостью (важный момент, к которому мы еще вернемся), заслуживает внимания то, что *все* связи социальной структуры и личности остаются во времени подобными. Это справедливо как для социальных классов и структурной локализации, так и для всех трех измерений личности. Несмотря на глубокие структурные изменения в экономике и обществе в течение трех лет, которые разделяли наши исследования, и большую нестабильность личности в этот период, характер и даже величины связей социальных классов и структурной локализации с личностью оставались на удивление устойчивыми. Уникальная большая интерпретационная задача заключается в том, чтобы объяснить стабильность этих связей, несмотря на изменения всех их составляющих.

Социальная стратификация и измерения ее составляющих

Для более детального анализа связи социальной структуры и личности *среди занятых мужчин и женщин* используем альтернативную концептуализацию социально-экономической структуры — социальную стратификацию. Социальную стратификацию мы определяем как иерархичное упорядочение общества — единое измерение, выведенное из ковариации уровня образования, профессионального статуса и дохода. Для получения индекса социально-стратификационной позиции мы разработали конфирматорную факторно-аналитическую модель (настоящего) второго порядка (см. табл. 6), в которой каждый первопорядковый компонент факторов имеет два индикатора.

Эта модель непосредственно вытекает из кросс-секционной модели для Украины 1992-93 годов [14, табл. А-2], на этот раз расширенной до лонгитюдной.

Лонгитюдная модель в той части, которая соответствует 1992-93 годам, показывает, что более всего определяет социально-стратификационную позицию уровень образования, после него наиболее влиятельным является профессиональный статус (в кросс-секционной модели их влияние почти одинаково), а доход имеет существенно меньшее значение, особенно для мужчин (как и в кросс-секционной модели). К 1996 году доход стал более сильным, чем в 1992-93 годах, индикатором социально-стратификационной позиции как для мужчин, так и для женщин, хотя и не таким сильным, как уровень образования и профессиональный статус. В остальном обе части модели — 1992-93 и 1996 годов — совершенно одинаковы и для мужчин, и для женщин. Лонгитюдная измерительная модель социально-стратификационной позиции хорошо согласуется с данными: отношение χ^2 к степеням свободы равно 1,72, корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации — 0,04.

Таблица 6

Лонгитюдная измерительная модель социально-стратификационной позиции, Украина (1992-93 и 1996 годы)

Концепты и индикаторы	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Стандартизированные пути: концепты к индикаторам				
Уровень образования				
Годы учебы	0,97*	0,95*	0,98*	0,97*
Образовательный уровень	1,00*	0,99*	1,00*	0,96*
Доход				
Заработная плата (логарифм)	0,70*	0,90*	0,83*	0,85*
Семейный доход (логарифм)	0,94*	0,89*	0,48*	0,74*
Профессиональный статус				
Шкала Траймана (международная)	0,99*	0,98*	0,97*	0,96*
Украинская шкала престижа	0,85*	0,89*	0,94*	0,95*
Стандартизированные пути: социально-стратификационная позиция к концептам первого порядка				
Социально-стратификационная позиция				
Уровень образования	0,94*	0,95*	0,96*	0,92*
Доход	0,12*	0,30*	0,26*	0,55*
Профессиональный статус	0,70*	0,66*	0,74*	0,78*
Временная корреляция социально-стратификационной позиции	0,98*		0,97*	
Отношение χ^2 к степеням свободы	1,72			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,041			
Количество случаев	384		463	

* $p < 0,05$.

Более всего поражает в этой лонгитюдной модели чрезвычайно высокая стабильность социально-стратификационной позиции занятых мужчин и

женщин — для мужчин временная корреляция составляет 0,98, для женщин — 0,97. На первый взгляд кажется, что такое высокое постоянство социально-стратификационной позиции во времени несовместимо со значительной *классовой* мобильностью, наблюдавшейся (как будет показано ниже) в этот период в Украине. Объяснение находим в составляющих измерениях социальной стратификации. Образовательный уровень обязательно должен быть высокостабильным: во-первых, ни у одного человека он не мог снизиться, во-вторых, люди, которые работают, не могли за три-три с половиной года значительно повысить свой образовательный уровень, посещая вечернюю школу. Профессиональный статус и доход (особенно последний) были более подвластны изменениям. Фактически корреляции во времени трех составляющих измерений социальной стратификации (как свидетельствует аналог первого порядка представленной в таблице 6 измерительной модели второго порядка) соответствуют нашим ожиданиям. Корреляции во времени образовательного уровня были очень высокими (0,87 для мужчин и 0,85 для женщин), для профессионального статуса — несколько ниже (0,70 для мужчин, 0,77 для женщин), а для дохода — самыми низкими из всех (0,25 для мужчин и 0,33 для женщин). Поскольку социально-стратификационная позиция выводится из ковариации этих трех измерений, она может оставаться очень стабильной даже в условиях значительной межклассовой мобильности.

Социальная стратификация и личность в 1992-93 и 1996 годах¹

Чрезвычайно высокая стабильность социально-стратификационной позиции не обязательно означает, что ее связи с личностью в 1996 году должны быть такими же, как в 1992-93 годах. Наоборот, сама *нестабильность* личности позволяла предполагать, что в течение этих лет социально-стратификационная позиция должна была утратить некоторую или даже большую часть ее значимости для личности, ведь в противном случае из высокой стабильности социальной позиции вытекала бы аналогично высокая стабильность личности. Однако мы обнаруживаем (табл. 7), что социальная стратификация в 1996 году была более *важной* для самостоятельности ориентаций и умственной гибкости занятых мужчин, чем в 1992-93 годах, а для самостоятельности ориентаций и умственной гибкости занятых женщин в 1996 году была, как минимум, столь же важной, как в 1992-93 годах. Что касается дистресса, то наиболее надежный вывод, который мы можем сделать, это то, что как для мужчин, так и для женщин в оба периода социальная стратификация была лишь слабо или вообще незначимо связана с дистрессом. На основе анализа связей между структурной локализацией и дистрессом мы обнаружили, что наибольшее влияние на уровень дистресса в этот пери-

¹ Поскольку социальная стратификация, самостоятельность ориентации и дистресс являются порядковыми переменными, мы можем точно определить величины их взаимных корреляций, создав комбинированную измерительную модель всех трех концептов, фиксируя пути от концептов к индикаторам (λ) в нестандартизированных оценках, полученных в отдельных измерительных моделях, позволяя такие же (как в этих моделях) корреляции остатков и оставляя необъясненные остатки несвязанными. В своем анализе социальной стратификации и личности мы ограничиваемся мужчинами и женщинами, которые были заняты как в 1992/1993, так и в 1996 году, исключая таким образом возможность того, что некоторые различия, которые мы смогли найти в формах связей за сравнимые годы могли быть обусловлены обретением или потерей занятости.

од радикальных социальных изменений оказывали не социально-структурные различия между занятыми, а то, имел ли вообще человек работу.

Таблица 7

Социально-стратификационная позиция и личность, Украина, 1992-93 и 1996 годы

Корреляции между социально-стратификационной позицией и:	Корреляции нулевого порядка между социально-стратификационной позицией и личностью, для мужчин и женщин, имевших работу и в 1992-93, и в 1996 годах			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
самостоятельностью ориентаций	0,23*	0,43*	0,36*	0,35*
дистрессом	-0,15*	-0,10*	-0,03*	-0,14*
умственной гибкостью	0,47*	0,87*	0,57*	0,74*
Количество случаев	352		412	

* $p < 0,05$.

Объяснение устойчивости связей социальной структуры и личности несмотря на нестабильность личности

Мы ответили на вопрос, *может ли* социальная структура иметь устойчивую и значимую связь с личностью даже в условиях нестабильности личности: в Украине в течение продолжающегося периода чрезвычайно радикальных социальных изменений это было именно так. Впрочем, нам еще предстоит ответить на более фундаментальный вопрос: чем объясняется *стабильность* связей социальной структуры и личности в условиях *нестабильности* личности. И мы еще не рассмотрели другой связанный с этим вопрос: чем объясняется нестабильность личности.

Социологически привлекательная гипотеза, которая, *если она адекватна*, дала бы ответ сразу на оба вопроса, состоит в том, что значительная социальная мобильность, которая должна была произойти в результате преобразований в украинской экономике, по-видимому, привела — у тех, кто был мобильным, — к изменениям в личности, соответствующим их новым позициям в социальной структуре. Такие изменения в личности могут быть описаны на индивидуальном уровне как нестабильность личности, а на социальном — как сохранение устойчивой связи между социально-структурной позицией и личностью. Мы не имеем данных для отслеживания каждого шага этих процессов, но мы можем оценить, значимо ли связана социальная мобильность с изменениями в личности.

Социальная мобильность и изменения в личности

Устойчивы ли те связи социальной структуры и личности, которые мы нашли значимо связанными с изменениями в социально-структурной позиции? Безусловно, в Украине в период с 1992-93 по 1996 год наблюдалась значительная социальная мобильность. Всего 198 из 337 мужчин и 197 из 459 женщин из нашей лонгитюдной выборки занимали в 1996 году ту же структурную позицию, что и в 1992-93 годах. Движение происходило в

обоих направлениях — как из более благоприятных структурных позиций на менее благоприятные, так и с менее на более благоприятные. Например (если взять очень важный сегмент, являющийся, очевидно, менее благоприятным, чем большинство других), всего двое из 21 мужчин, не имевших в 1992-93 годах оплачиваемой работы и искавших ее, были еще (или опять) безработными в 1996 году. И только один вышел из состава экономически активных, перестав искать работу. Остальные 18 работали по крайней мере 15 часов в неделю (большинство из них как работники физического труда, но кое-кто — как работники нефизического труда, руководители или самозанятые). И наоборот, все, кроме четырех из 21 мужчин, не имевших оплачиваемой работы в 1996 году и искавших ее, в 1992-93 годах работали по крайней мере 15 часов в неделю. Для женщин цифры подобны: всего четверо из 20 женщин, которые были безработными в 1992-93 годах, оставались (или снова стали) таковыми в 1996 году. Все это согласуется (хотя еще ничего не доказывает) с возможностью того, что изменения в структурной локализации, сопровождавшие преобразования в украинской экономике, могли бы дать ключ к пониманию устойчивости связей между социально-структурной позицией и личностью, несмотря на распространенные изменения в личности. Если личностные черты людей изменялись в соответствии со сменой их социально-структурных позиций, тогда нестабильность в личности могла бы полностью согласовываться со стабильностью в связях социальной структуры и личности.

Переход в ряды занятых и из них. Сначала рассмотрим изменения в самостоятельности ориентаций и в дистрессе, связанные с переходом из категории полной занятости в 1992-93 годах в различные категории незанятости в 1996 году и от безработицы в 1992-93 к занятости в 1996 году (см. табл. 8)¹. Значения N малы, но изменения разительны, и несмотря на малые N , три из четырех важнейших различий статистически значимы. Эти результаты, кроме одного интересного исключения, одинаковы для мужчин и женщин. Переход от безработицы к занятости был связан с повышением самостоятельности ориентаций и снижением дистресса — как для мужчин, так и для женщин, хотя величины изменений в ориентациях для мужчин более весомы. И наоборот, переход от занятости к безработице сопровождался снижением самостоятельности ориентаций и повышением дистресса — и для мужчин, и для женщин. Единственное межгендерное различие связано с выходом ранее занятых людей на пенсию: *мужчины*, сменившие работу на пен-

¹ Для анализа личностных изменений мы использовали новый компонент программы LISREL, вычисляющий такие факторные значения (которые Йореског с коллегами называют значениями латентных переменных), которые прекрасно коррелируют с обычными факторными значениями, но имеют также очень важную для нас черту: взаимокорреляции значений латентных переменных для факторов, полученных из той же измерительной модели, полностью воспроизводят корреляции среди латентных переменных в этой измерительной модели [2]. Это очень важно для нашего анализа, поскольку корреляции обычных факторных значений, получаемых из измерительной модели лонгитюдного факторного анализа, занижают корреляции измерений одного и того же концепта в моменты времени $t - 1$ и $t - 2$, что исключает возможность реализовать одну из главных целей лонгитюдного анализа — оценить связи между *изменениями* социально-структурной позиции и *изменениями* в личности.

сию (насколько можно судить из N, которое равно всего 12), вели себя так же, как и мужчины, сменившие работу на безработицу — проявляли снижение самостоятельности ориентаций и повышение дистресса. А вот женщины, выйдя на пенсию (их несколько больше, N = 17), вели себя абсолютно противоположным образом: их уровень самостоятельности повысился, а уровень дистресса уменьшился. Межгендерное различие относительно дистресса, хотя и базируется на малом N, статистически значимо. Выход на пенсию был разочарованием для мужчин и благом для женщин.

Таблица 8

**Переход в ряды занятых и из них и изменения в личности,
Украина, с 1992-93 по 1996 год**

Категории исследуемых	Изменения в период с 1992-93 по 1996 год							
	Мужчины				Женщины			
	(N)	Самостоятельность ориентаций	Дистресс	Умственная гибкость	(N)	Самостоятельность ориентаций	Дистресс	Умственная гибкость
Безработные в 1992-93, занятые в 1996	(18)	+0,50	-0,44	+0,28	(16)	+0,26	-0,17	-0,14
Незанятые на момент обоих интервью	(6)	-	-	-	(4)	-	-	-
Занятые в 1992-93, а в 1996:								
а) незанятые (ищут работу или оставили попытки)	(19)	-0,31	+0,39	+0,01	(20)	-0,16	0,42	+0,16
б) пенсионеры	(12)	-0,36	+0,57	-0,46	(17)	+0,35	-0,16	-0,41
Занятые как в 1992-93, так и в 1996	(283)	+0,02	-0,05	+0,04	(308)	-0,02	+0,04	0,00
<i>P</i> (разница между количеством тех, кто из безработного превратился в занятого, и тех, кто из занятого стал безработным)		0,05	0,03	0,32		0,20	0,01	0,34

Примечание: "Занятый" означает "имеет оплачиваемую работу по крайней мере 15 часов в неделю".

Что касается умственной гибкости, то потеря или возобновление занятости не были очень сильно связаны с изменениями ее как для мужчин, так и для женщин. Но переход из занятых в 1992-93 годах в пенсионеры в 1996 году для обоих полов был связан со снижением умственной гибкости.

Таким образом, в крайнем случае — потери или возобновления занятости — изменения в структурной локализации были сильно, существенно и значимо связаны с изменениями самостоятельности ориентаций и дистресса, но не с изменениями умственной гибкости, за исключением тех, кто стал

пенсионерами. Но, поскольку совсем небольшая часть населения сменила занятость на безработицу или наоборот, это наиболее возможное объяснение лишь незначительной части устойчивости связей социальной структуры и личности, несмотря на изменения в личности. Для дальнейшего рассмотрения гипотезы относительно того, что переход с одной структурной позиции на другую в значительной мере способствует устойчивости связей социальной структуры и личности (что мы установили для нашей выборки в целом), нужно рассмотреть также мобильность среди того подавляющего большинства мужчин и женщин, которые имели работу как в 1992-93, так и в 1996 годах.

Межклассовая мобильность. Эту часть анализа начнем с использования теоретически разработанной классификации межклассовой мобильности, основная идея которой заключается в том, что (в нашей концептуализации) социальный класс представляет собой пересечение трех измерений неравенства: собственность или отсутствие собственности, контролирующая власть над другими или ее отсутствие и, среди неруководящих работников, их профессиональный статус (как экспертов, работников нефизического или физического труда). Мы классифицировали переходы с более благоприятной на менее благоприятную классовую позицию и наоборот по каждому из трех измерений. Мы также объединили три типа движения с более на менее благоприятную классовую позицию в одну категорию — переход на классовую позицию, менее благоприятную по *любому* из этих измерений. Аналогичным образом мы объединили в одну категорию три типа движения с более на более благоприятную классовую позицию. Разумеется, гипотеза заключалась в том, что движение с более благоприятной на менее благоприятную классовую позицию (по некоторым или по всем измерениям неравенства) повлечет за собой увеличение уровня дистресса и уменьшение самостоятельности ориентаций и, возможно, умственной гибкости; а движение в обратном направлении будет иметь противоположный эффект. *Ничего подобного.* Ни у тех, кто перешел на более благоприятную классовую позицию, ни у тех, кто перешел с менее благоприятной классовой позиции, показатели самостоятельности ориентаций, дистресса и умственной гибкости не изменились ощутимо (или статистически значимо). Мы не обнаружили ни одного доказательства того, что для мужчин и женщин, имевших работу как в 1992-93, так и в 1996 году, изменение классовой позиции в любом направлении было заметно связано с изменениями трех основных измерений личности.

Поскольку теоретически разработанный подход не дал подтверждений того, что межклассовая мобильность вдоль осей “более благоприятная — менее благоприятная позиция” связана с изменениями в личности людей, которые имели работу в оба периода, мы прибегли к эмпирическому подходу. Мы рассмотрели полную перекрестную классификацию всех классовых позиций в 1992-93 и 1996 годах, чтобы выяснить, были ли какие-нибудь переходы из *любого* социального класса в любой другой социальный класс связаны со значительными изменениями любых из трех главных измерений личности. Даже в случае малых N мы пытались выяснить, можно ли увидеть какие-либо закономерности изменений. Нам не удалось обнаружить ни одной непротиворечивой закономерности. *Наш вывод заключается в том, что межклассовая мобильность не была существенно связана с изменениями в личности.*

Хотя в то время наблюдалась значительная классовая мобильность, но — в отличие от весомых доказательств относительно движения из рядов занятых к незанятым и наоборот — мы не обнаружили никаких доказательств того, что среди тех, кто имел работу как в 1992-93, так и в 1996 году, межклассовые переходы были связаны со значительными изменениями в личности.

Изменения социально-стратификационной позиции (и ее составляющих измерений) и изменения в личности. Очень сильные корреляции во времени социально-стратификационной позиции как для мужчин, так и для женщин означают, что совсем малую часть изменений в личности среди тех мужчин и женщин, которые имели работу на время обоих опросов, можно объяснить изменениями социально-стратификационных позиций, поскольку их социально-стратификационные позиции почти не изменялись. Но все-таки возможно, что изменения в той или иной из трех составляющих измерений социальной стратификации — уровне образования, профессиональном статусе и особенно доходе, который был далеко не таким стабильным — могут быть теснее связаны с изменениями в личности.

Для изучения такой возможности мы ввели показатели изменения для социально-стратификационной позиции и каждого из ее составляющих измерений и вычислили корреляцию между ними и изменениями показателей самостоятельности ориентаций, дистресса и умственной гибкости. Изменения *ни одной* из составляющих измерений социальной стратификации (как и общего показателя социально-стратификационной позиции) не связаны заметно с изменениями самостоятельности ориентаций или умственной гибкости ни для мужчин, ни для женщин. Изменения социально-стратификационной позиции либо одной или нескольких ее составляющих *заметно*, хотя и умеренно, связаны с изменением показателей *дистресса* — повышение уровня образования заметно связано с уменьшением уровня дистресса у мужчин, а изменения относительного дохода заметно связаны с изменением уровня дистресса у женщин. Но даже эти связи по величине всего лишь умеренные.

Таким образом, результаты относительно изменений социально-стратификационной позиции вполне соответствуют данным о межклассовой мобильности. Главным достижением нашего анализа и межклассовой мобильности, и изменений социально-стратификационной позиции (и ее составляющих измерений) является то, что — для занятых — социальная мобильность мало что дает для объяснения устойчивости связей между социальной структурой и личностью несмотря на радикальные социальные изменения и нестабильность личности. Лишь в случае потери или возобновления занятости социальная мобильность действительно помогает объяснить устойчивость связей между структурной локализацией и личностью. Кроме того, лишь в случае перехода из рядов занятых к незанятым и наоборот социальная мобильность действительно помогает объяснить нестабильность личности. На самом деле нестабильность личности одинаково характерна как для постоянно занятой части населения Украины, так и для тех, кто на момент одного из опросов не имел работы.

Чем же тогда объясняется нестабильность личности? Чем объяснить устойчивость во времени связей между социальной структурой и личностью для подавляющего большинства взрослых граждан Украины, которые

были занятыми в момент и начального, и повторного интервью? Поскольку гипотеза, которая в случае подтверждения ответила бы на оба эти вопроса, не подтвердилась, мы рассмотрим две родственные гипотезы, обе основанные на экстраполяциях из лонгитюдных исследований, проведенных в условиях социальной стабильности.

Стабильность социальных условий и нестабильность личности

Главной находкой лонгитюдных исследований мужчин США, начатых прототипным анализом взаимовлияния содержательной сложности труда и умственной гибкости [10; 12, гл. 5] и значительно расширенных в анализе профессиональной структуры и личности [11; 12, гл. 6], является то, что стабильность социальных условий помогает объяснить *не только малый объем изменений в личности*, обнаруженных в рамках этих исследований, *но и гораздо большее количество проявлений стабильности в ней* (см. расширенное обсуждение когнитивной деятельности в: [7]). Наша гипотеза заключается в том, что справедливо и противоположное: в условиях радикальных социальных изменений *нестабильные социальные условия обуславливают нестабильность личности*. Если это так, наши попытки найти связи между социальной мобильностью и личностными изменениями были обречены именно потому, что нестабильность личности связана не с социальной мобильностью или социальной структурой, а с нестабильностью социальных условий.

При отсутствии доказательств в пользу противоположного (а мы тщательно искали такие доказательства) мы делаем вывод, что обстоятельства изменений и неуверенности в Украине в годы нашего исследования должны были быть настолько распространенным явлением, чтобы приводить к значительному уровню нестабильности личности людей, независимо от их позиции в социальной структуре и независимо от их социальной мобильности или ее отсутствия. Чрезвычайная неуверенность в будущем Украины, которая уже не была социалистической и не входила в состав Советского Союза, но еще надежно не утвердилась как капиталистическое, вполне независимое и демократическое общество, охватила, пожалуй, почти каждого жителя страны независимо от классовой позиции или социального статуса. Хотя эта всеобъемлющая неуверенность должна была стать одним из факторов — возможно, решающим — нестабильности личности, ее должны были ощущать настолько широкие слои, что это не очень повлияло на связи между социальной структурой и личностью — за исключением той (небольшой) части населения, которой эти радикальные изменения коснулись непосредственным и наиболее принудительным образом — в виде потери или возобновления занятости. Это, как мы с готовностью признаем, только предположение — полностью совместимое с нашими данными, но никак не доказанное нашим анализом. Все, что мы можем с уверенностью сказать по этому поводу, — это то, что мы недвусмысленно показали такую степень нестабильности личности, которая во время предыдущих исследований — наших собственных и других — никому и в голову не приходила и, вопреки этому, явную стабильность связей между социальной структурой и личностью в период кардинальных социальных изменений в Украине. К тому же — и это самое важное — эти связи социальной структуры и личности совпадают с обнаруженными в других странах в периоды безусловной социальной стабильности.

Роль непосредственных условий жизни в объяснении стабильности во времени связей социальной структуры и личности для занятых сегментов населения

Еще одной существенной находкой лонгитюдных исследований мужчин США, как и других исследований, проведенных в разных странах в периоды социальной стабильности, было то, что позиция в общей социальной структуре связана с личностью главным образом через непосредственные условия жизни, особенно через условия труда, связанные с социально-структурной позицией. Кросс-секционное исследование Польши и Украины в переходный период [14] показывает, что даже во времена радикальных социальных изменений позиция в общей социальной структуре тесно связана с теми же непосредственными условиями жизни, которые в исследованиях периодов большей социальной стабильности постоянно проявлялись как основные механизмы влияния социально-структурной позиции на личность. *Наша гипотеза заключается в том, что стабильность самых важных непосредственных условий жизни является главной причиной непрерывности в связях социальной структуры и личности даже при длительном процессе радикальных социальных изменений.*

Было доказано, что одно непосредственное условие — содержательная сложность труда — играет особую роль в объяснении связей социального класса и социальной стратификации с личностью не только в периоды явной социальной стабильности в социалистической Польше и капиталистических США и Японии [8], но и для переходной Польши и, в меньшей мере, для Украины на очень раннем этапе переходного периода [14]. Под содержательной сложностью труда мы понимаем степень, в которой выполнение работы требует размышлений и независимых суждений. Содержательно сложная работа по своей природе требует принятия многих решений, которые должны учитывать неопределенные или, вероятно, конфликтующие непредвиденные обстоятельства.

Мы предполагаем, что содержательная сложность труда продолжала играть ключевую роль в связях класса и стратификации с умственной гибкостью и самостоятельностью ориентаций во время радикальных социальных изменений. Чтобы играть такую роль, содержательная сложность труда должна была бы *оставаться* связанной и с позицией в социальной структуре, и с этими тремя измерениями личности в 1996 году по крайней мере так же сильно, как и в 1992-93 годах. Более того, чтобы помочь объяснить устойчивость связей класса и стратификации с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью, *содержательная сложность труда сама должна быть высоко стабильной, несмотря на изменения в экономической структуре страны или общих социальных условиях.*

Наша измерительная модель содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости (см. табл. 9) является лонгитюдным расширением кросс-секционной модели, разработанной Коном с коллегами для Украины переходного периода [14, табл. А-3]. Наша информация о содержательной сложности труда базируется на детальном опросе респондентов относительно их работы с данными, вещами и людьми. Эти вопросы образуют основу семи оценок работы каждого респондента: наши оценки сложности работы респондента с данными, вещами и людьми; наша оценка наиболее

сложной работы, которую обычно выполняет респондент, независимо от того, относится ли эта работа к деятельности с данными, с вещами или с людьми; оценка респондентом времени, которое затрачивается на каждый из этих трех видов деятельности. Эти семь оценок мы считаем индикаторами базового, но не непосредственно измеряемого концепта — содержательной сложности этого труда. Модель достаточно хорошо соответствует данным: отношение χ^2 к степеням свободы составляет 2,80, корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации — 0,07.

Таблица 9

Лонгитюдная измерительная модель содержательной сложности труда в сфере оплачиваемой занятости, Украина (1992-93 и 1996 годы)

Концепты и индикаторы	Стандартизированные пути: концепты к индикаторам			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Содержательная сложность труда				
Сложность работы с данными	0,87*	0,89*	0,90*	0,90*
Сложность работы с вещами	0,35*	0,31*	0,45*	0,52*
Сложность работы с людьми	0,81*	0,86*	0,75*	0,88*
Часы работы с данными	0,58*	0,66*	0,56*	0,54*
Часы работы с вещами	-0,72*	-0,47*	-0,59*	-0,47*
Часы работы с людьми	0,33*	0,37*	0,25*	0,21*
Общая сложность	0,79*	0,83*	0,85*	0,95*
Корреляция концепта во времени	0,83*		0,81*	
Отношение χ^2 к степеням свободы	2,80			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,07			
Количество случаев	313		363	

* $p < 0,05$.

Эта измерительная модель демонстрирует один ключевой факт, существенный для валидности гипотезы — корреляции во времени содержательной сложности труда очень высоки (0,83 для мужчин и 0,81 для женщин). Еще одна важная для валидности нашей гипотезы ключевая совокупность условий — содержательная сложность труда должна сильно и значимо коррелировать с социальным классом и социальной стратификацией как в 1992-93 годах, так и в 1996 году. Эти условия однозначно выполнены (см. табл. 10). Коэффициенты η для связей между социальным классом и содержательной сложностью труда для занятых мужчин и занятых женщин как в 1992-93, так и в 1996 году близки к 0,80. Социальные классы, члены которых имеют наивысший уровень содержательной сложности своего труда, — это менеджеры и работодатели (общая категория), а также эксперты, самый низкий уровень имеют работники физического труда (как и следовало ожидать). Корреляции между социально-стратификационной позицией и содержательной сложностью труда для занятых мужчин и женщин примерно

такие же, как и для социальных классов. Более согласованные показатели трудно было бы представить — согласованность как во времени, так и по полу, и высокая согласованность со сравниваемыми показателями для других стран в периоды явной социальной стабильности¹. Таким образом, именно это, скорее всего, служит источником стабильности связей класса и стратификации с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью, разумеется, если предположить, что содержательная сложность труда в Украине в 1996 году должна иметь такую же связь с этими измерениями личности, как и в 1992-93 годах, — как это в действительности и произошло.

Таблица 10

Социальная структура и содержательная сложность труда в сфере оплачиваемой занятости для украинских мужчин и женщин, которые были занятыми как в 1992-93, так и в 1996 году

Социальный класс	Стандартизированные отклонения от среднего для всех представителей данного пола из соответствующей выборки							
	Мужчины				Женщины			
	N		Содержательная сложность работы		N		Содержательная сложность работы	
	1992-93	1996	1992-93	1996	1992-93	1996	1992-93	1996
Менеджеры и работники	(16)	(15)	1,53	1,63	(2)	(11)	–	0,77
Самозанятые	(7)	(16)	–	– 0,24	(6)	(9)	–	–
Супервизоры	(66)	(66)	0,73	0,71	(62)	(72)	0,70	0,70
Эксперты	(16)	(19)	1,31	1,44	(45)	(41)	1,00	0,92
Работники нефизического труда	(9)	(5)	–	–	(82)	(74)	0,28	0,31
Работники физического труда	(167)	(161)	– 0,57	– 0,60	(117)	(113)	– 0,94	– 0,98
Корреляция (η)	0,79*		0,82*		0,82*		0,81*	
Корреляция социально-стратификационной позиции и содержательной сложности труда	0,78*		0,76*		0,81		0,81	

* $p < 0,05$.

Решающей проверкой гипотезы является статистический контроль содержательной сложности труда для определения того, в какой мере при этом

¹ Высокая стабильность во времени как социально-стратификационной позиции, так и содержательной сложности работы является решающим доказательством того, что намного меньшая временная стабильность наших индексов личности не может быть артефактом, обусловленным, в свою очередь, неким общим методологическим артефактом. Более того, сильная корреляция как социального класса, так и социальной стратификации с содержательной сложностью работы заставляет отказаться от мысли о том, что более слабые корреляции между социальной структурой и личностью являются артефактом случайной статистической погрешности.

уменьшаются корреляции (η для социальных классов, r Пирсона для социальной стратификации). В какой мере это происходит, в такой же мере связи класса и стратификации с этими измерениями личности можно отнести за счет влияния социально-структурной позиции на содержательную сложность труда, что, в свою очередь, влияет на эти измерения личности. Для подтверждения данной гипотезы процентное уменьшение в связях как класса, так и стратификации с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью в 1996 году должно было быть по крайней мере столь же большим, как и в 1992-93 годах. Если это так, тогда, учитывая очень высокую стабильность содержательной сложности труда, можно будет констатировать значительный вклад содержательной сложности труда в стабильность связей социальной структуры и этих измерений личности (для занятых) даже в условиях продолжающихся радикальных социальных изменений и несмотря на значительную нестабильность личности. Учитывая наши результаты по этому поводу, мы не имеем подобной гипотезы для дистресса, а только загадку, почему класс и стратификация ни в 1992-93 годах, ни в 1996 году не были существенно связаны с дистрессом, как это было в Польше в 1992 году.

Полученные нами результаты для самостоятельности ориентаций и умственной гибкости в целом подтверждают гипотезу (см. табл. 11). Процентное снижение величины корреляции для 1992-93 годов варьирует от умеренных 19% до существенных 51%, в основном достигая 20%–30%. Для 1996 года эти показатели в целом *возрастают*, некоторые из них (в частности для умственной гибкости) более чем до 60%. Удивительным исключением является то, что процентное снижение для корреляции *социального класса* с самостоятельностью ориентаций *женщин* падает с 51% в 1992-93 годах до 15% в 1996 году; но такого спада нет ни в связи *социальной стратификации* с самостоятельностью ориентаций женщин, ни в связях класса или стратификации с самостоятельностью ориентаций мужчин. Несмотря на это единственное исключение, мы приходим к выводу, что устойчивость связей класса и стратификации с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью можно частично объяснить сохранением роли содержательной сложности труда в опосредовании позиций людей в общей социальной структуре и этими измерениями их личностей¹. Мы полагаем, что другие непосредственные условия жизни, связанные с социально-структурной позицией, должны аналогичным образом влиять на устойчивость связей класса и стратификации с самостоятельностью ориентаций. Также есть определенные доказательства того, что степень, в которой связи класса и стратификации с умственной гибкостью можно связать с содержательной сложностью труда, в период с 1992-93 по 1996 год возросла, что помогает объяснить усиление связи социальной структуры и умственной гибкости.

Чем же тогда объясняется (устойчивое) *отсутствие* связей класса и стратификации с *дистрессом* для занятых? Таблица 11 мало что дает по этому поводу, поскольку вопрос не в том, чем объясняются связи класса и стра-

¹ К сожалению, у нас нет данных, чтобы оценить, справедлив ли для украинских безработных и пенсионеров тот обнаруженный в Польше [16, табл. 6] факт, что относительно низкий уровень сложности деятельности *безработных и пенсионеров* существенно объясняет относительно низкий уровень их самостоятельности ориентаций и умственной гибкости.

тификации с дистрессом, а в том, почему связи класса и стратификации с дистрессом такие слабые. Частичный ответ могут дать коэффициенты корреляции (r нулевого порядка) содержательной сложности труда с дистрессом, являющейся слишком слабой, чтобы в значительной мере обеспечить зависимость дистресса от социальной структуры. Возможно, если бы корреляции содержательной сложности труда и дистресса были сильнее, то более сильными были бы и корреляции класса и стратификации с дистрессом. Но это частичное объяснение не дает ответа, почему *незанятые* сегменты населения испытывали больший дистресс, чем занятые, что и делает связь структурной локализации и дистресса сильнее связи между социальным классом и дистрессом.

Таблица 11

Степень зависимости связей социального класса и социальной стратификации с личностью от содержательной сложности труда, Украина (1992-93, 1996 годы)

Показатели	Самостоятельность ориентаций		Дистресс		Умственная гибкость	
	1992-93	1996	1992-93	1996	1992-93	1996
А. МУЖЧИНЫ						
Корреляция (η) с социально-классовой позицией	0,26*	0,30*	0,15	0,16	0,24*	0,62*
Процентное снижение η , когда содержательная сложность труда статистически контролируется	19%	60%	46%	5%	24%	61%
Корреляция с социально-стратификационной позицией	0,23*	0,43*	-0,15*	-0,10*	0,51*	0,84*
Процентное снижение корреляции, когда содержательная сложность труда статистически контролируется	28%	49%	66%	11%	32%	34%
Б. ЖЕНЩИНЫ						
Корреляция (η) с социально-классовой позицией	0,25*	0,33*	0,14	0,18	0,26*	0,46*
Процентное снижение η , когда содержательная сложность труда статистически контролируется	51%	15%	27%	21%	40%	67%
Корреляция с социально-стратификационной позицией	0,36*	0,35*	-0,3	-0,14	0,51*	0,59*
Процентное снижение корреляции, когда содержательная сложность труда статистически контролируется	0,20%	42%	-	91%	38%	64%

* $p < 0,05$.

Ощущение экономического благополучия

Опираясь на результаты кросс-секционного анализа незанятых [16], мы предположили, что в период экономической нестабильности в Украине влияние содержательной сложности труда на ощущение благополучия или дистресса могло заслоняться влиянием другого непосредственного условия жизни — экономических трудностей. Наш индекс базируется на конфирматорной факторно-аналитической измерительной модели ощущения экономического благополучия (или его отсутствия), которое мы считаем субъективным проявлением экономических трудностей (см. табл. 12). Наша лонгитюдная измерительная модель — это расширение кросс-секционной модели, разработанной для Украины ранее [16, табл. 3]. Она содержит четыре индикатора: логарифм подушного дохода домохозяйства (связывающего ощущение с экономическими реалиями), ответы респондентов на вопрос относительно трудностей с покупкой продуктов, оплатой счетов, затратами на досуг и отпуск, с которыми их семья сталкивалась в течение минувшего года; их оценки улучшения или ухудшения своего финансового положения за последние три года и уровень их удовлетворения или неудовольствия своим финансовым положением. Эта модель хорошо соответствует нашим данным: отношение χ^2 к степеням свободы составляет 0,65, корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации — 0,00. Корреляции концепта во времени, как и можно было ожидать в экономически сложные времена, составляют почти половину корреляции содержательной сложности труда: 0,43 для мужчин и 0,40 для женщин.

Таблица 12

Лонгитюдная измерительная модель ощущения экономического благополучия, Украина (1992-93, 1996 годы)

Индикаторы	Стандартизированные пути: концепты к индикаторам			
	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Семейный доход на одного члена домохозяйства (логарифмированный)	0,35*	0,49*	0,29*	0,44*
Ответы респондента о трудностях с покупкой продуктов, уплатой счетов, затратами на досуг и отпуск, с которыми его (ее) семья столкнулась в прошлом году	-0,63*	-0,66*	-0,60*	-0,54*
Оценка респондентом улучшения или ухудшения его (ее) финансового положения за последние три года	0,62*	0,41*	0,55*	0,54*
Удовлетворение респондента своим финансовым положением	0,53*	0,63*	0,56*	0,58*
Корреляция концептов во времени	0,43*		0,40*	
Отношение χ^2 к степеням свободы	0,65			
Корень из среднего квадрата погрешности аппроксимации	0,00			
Количество случаев	368		456	

* $p < 0,05$.

Используя факторные значения, базирующиеся на этой измерительной модели, мы выясняем, что корреляции ощущения экономического благополучия или трудностей с дистрессом были сильнее, чем корреляции содержательной сложности труда с дистрессом (см. табл. 13). Этот анализ показывает также, что, хотя ощущение экономического благополучия было адекватно связано с социально-классовой позицией (так что менеджеры и работодатели имели более сильное ощущение благополучия, а работники физического труда имели — среди работающих — более сильное ощущение экономических трудностей), ощущение экономического благополучия далеко не так сильно коррелировало с классовой позицией и стратификационным уровнем, как содержательная сложность труда. Таким образом, вместо того, чтобы связать класс и стратификацию с дистрессом, ощущение экономического благополучия или трудностей почти ничего не добавило к этим связям, а то и ослабило их, заместив влияние содержательной сложности труда ощущением людьми благополучия или дистресса. Впрочем, ощущение экономического благополучия помогло связать с дистрессом *структурную локализацию*, поскольку некоторые незанятые или частично занятые сегменты населения, которые в 1996 году страдали от сильного ощущения экономических трудностей — в частности, безработные и частично занятые (работавшие менее 15 часов в неделю) — имели уровень дистресса высший, чем большинство людей их пола. Таким образом, они резко контрастировали с наиболее экономически обеспеченными сегментами занятого населения — особенно с работодателями, менеджерами и экспертами мужского пола, которые имели сильное ощущение экономического благополучия и были среди тех представителей своего пола, которые имели наименьший уровень дистресса.

Таблица 13

Корреляции содержательной сложности труда и ощущения экономического благополучия или трудностей с ощущением дистресса, Украина (1992-93, 1996 годы)

Показатели	Мужчины		Женщины	
	1992-93	1996	1992-93	1996
Корреляции между дистрессом и:				
содержательной сложностью труда	-0,16*	-0,05*	-0,15*	-0,18*
ощущением благополучия или трудностей	-0,26*	-0,28*	-0,33*	-0,27*

* $p < 0,05$.

Выводы

Ограничения анализа

Это исследование было начато в то время, когда стало очевидным, что Украина все еще находится в процессе преобразований, но казалось, что повторное исследование, если мы не хотим упустить момент для его проведения, нужно провести как можно скорее. Обращаться за дополнительным финансированием полевой работы было некогда, поэтому ее провели в основном на средства украинской исследовательской организации. Это помешало намерениям повторно опросить всех респондентов начального

опроса. Мы решили ограничить повторный опрос теми респондентами, которые на время опроса 1992-93 годов относились к экономически активному населению — стратегически полезное решение, которое, однако, не позволило провести лонгитюдный анализ среди незанятых. Мы не считаем, что это угрожает валидности нашего анализа среди тех людей, которые оказались незанятыми в период между начальным и повторным опросами, но лишает нас возможности определить в полном объеме влияние преобразований на незанятых.

Поскольку повторное исследование планировалось еще до завершения кросс-секционного анализа сложности деятельности незанятых [15; 16], мы еще не имели доказательств того, что сложность деятельности, не связанной с работой, так же тесно связана с личностными чертами незанятых людей, как и содержательная сложность труда для занятых. В противном случае повторное исследование могло бы зафиксировать информацию о сложности непрофессиональной деятельности людей, ставших за время между двумя опросами безработными, домохозяйками или пенсионерами. Без этой информации мы не можем оценить роль сложности деятельности незанятых в объяснении связей между структурной локализацией и личностью (как мы это сделали относительно роли сложности труда в сфере оплачиваемой занятости в объяснении связей социального класса и социальной стратификации с личностью для занятых). Таким образом, наша интерпретация менее обобщенная, чем это могло быть.

Резюме и интерпретация

Наш анализ имеет два основных результата. Один — это то, что в течение трех–трех с половиной лет продолжающихся радикальных социальных преобразований, которые сопровождали трансформации в Украине, у городских мужчин и женщин наблюдались крайняя нестабильность в самостоятельности ориентаций и ощущении благополучия или дистресса, а также (насколько мы можем судить) меньшая, но все же значимая нестабильность даже в том, что обычно является наиболее стабильной стороной личности, — умственной гибкости. Эта нестабильность оказалась столь неожиданной, что мы приложили немало усилий, чтобы убедиться, что это не просто артефакт какого-то недостатка метода. Мы пришли к убеждению и привели доказательства (в тексте и примечаниях 6 и 13), что это не так. Еще одним принципиально важным результатом является то, что, несмотря на радикальные социальные изменения и нестабильность личности, связи социального класса и социальной стратификации с личностью, которые на момент базового исследования 1992-93 годов были подобными по характеру, хотя и несколько более слабыми по силе, чем их аналоги как в тогдашней Польше переходного периода, так и в Польше времен социализма или же в капиталистических Соединенных Штатах и Японии, остались подобными по характеру и три – три с половиной года спустя, а некоторые даже усилились. Единственным разительным исключением была устойчивая слабость связей класса и стратификации с дистрессом. Но когда анализ охватывает также незанятые сегменты населения, наблюдается ощутимая и важная связь между структурной локализацией и дистрессом, остающаяся в 1996 году такой же, как и 1992-93 — из-за того, что незанятые постоянно испытывали больший дистресс, нежели занятые.

Значительное место в этой статье уделено попыткам согласовать между собой те результаты, которые на первый взгляд кажутся несовместимыми. Если личность была настолько нестабильной, как могли связи социальной структуры и личности оставаться подобными с течением времени? Сначала мы выдвинули гипотезу о том, что выявленная нами чрезвычайная нестабильность личности может быть связана с социальной мобильностью — что люди, которые переместились из более благоприятных структурных позиций на менее благоприятные, могли испытать усиление дистресса, снижение самостоятельности ориентаций и, возможно, даже снижение умственной гибкости; и что у людей, перешедших с менее благоприятных структурных позиций на более благоприятные, ощущение благополучия, самостоятельность ориентаций и умственная гибкость могли возрасти. В крайнем случае — потери или возобновления занятости — мы находили подтверждения нашей гипотезы, поскольку такой переход был заметно и существенно связан с соответствующими изменениями в самостоятельности ориентаций и дистрессе, но не с какими-либо значительными изменениями в умственной гибкости. Однако для подавляющего большинства городского взрослого населения, занятого и в 1992-93 годах, и в 1996 году, доказательства существования какой-либо существенной связи между социальной мобильностью и изменениями в личности были слишком малы. Как мы ни старались, нам не удалось обнаружить ощутимой или статистически значимой связи между межклассовой мобильностью и изменениями в личности. Ключевой момент, как и для изменения социально-стратификационной позиции, заключается в том, что несмотря на значительные изменения в социальной и экономической структуре страны и значительную межклассовую мобильность, *общая* социально-стратификационная позиция почти не изменялась. Можно сделать вывод, что изменения социально-стратификационной позиции или ее составляющих измерений значимы, но лишь умеренно связаны с изменениями в ощущении благополучия или дистресса, но не с изменениями в самостоятельности ориентаций или умственной гибкости. К тому же разные составляющие социальной стратификации заметно связаны с изменениями дистресса у мужчин и женщин. На основании этих результатов вряд ли можно сделать вывод о существовании сильной или устойчивой связи между нестабильностью личности и социальной мобильностью.

Чем же тогда объяснить стабильно значимые связи социального класса и социальной стратификации с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью в течение трех–трех с половиной лет радикальных социальных изменений и условий чрезвычайной нестабильности личности? Мы выдвинули гипотезу о том, что одни и те же непосредственные условия жизни, объединяющие позицию в общей социальной структуре с личностью, как это было показано в предыдущих исследованиях капиталистических и социалистических, западных и незападных обществ, а также — что особенно важно для нас — в исследованиях периодов явной социальной стабильности и радикальных социальных изменений, продолжают играть такую роль связующего звена в течение всего периода преобразований в Украине. Конечно, основное предположение этой гипотезы заключается в том, что значительные социальные изменения, наблюдавшиеся в этот период в Украине, не повлияли на связи структурной локализации с непосредственными условиями жизни людей. В поддержку этого предположения мы обнаружили, что в течение продолжающегося периода радикальных социальных измене-

ний в Украине класс и стратификация были так же сильно связаны с содержательной сложностью труда, как и в других обществах в периоды очевидной социальной стабильности. А содержательная сложность труда, в свою очередь, была связана с самостоятельностью ориентаций и умственной гибкостью так же, хотя, возможно, не столь сильно, как и в других странах в более стабильные времена.

Кроме того — и это решающий компонент в объяснении стабильности связей социальной структуры и личности, несмотря на социальные изменения и нестабильность личности — мы предположили, что решающие непосредственные условия жизни оставались высоко стабильными. Мы рассмотрели одно ключевое условие, важность которого для объяснения связей социальных классов и социальной стратификации с личностью была продемонстрирована во многих исследованиях — содержательную сложность труда в сфере оплачиваемой занятости. Ее стабильность даже в эти три-три с половиной года радикальных социальных изменений и нестабильности личности, которые охватывает наше исследование, оказалась очень высокой как для мужчин, так и для женщин. Но, поскольку мы также обнаружили, что содержательная сложность труда объясняет от умеренной до существенной части связей социальных классов и социальной стратификации с самостоятельностью ориентаций, а еще в большей мере — с умственной гибкостью, мы считаем, что нашли важную составляющую объяснения постоянства связей между социальной структурой и личностью даже в условиях нестабильности самой личности. Речь идет о стабильности непосредственных условий жизни людей, которые остаются тесно связанными с позицией в общей социальной структуре и продолжают служить мостиком от позиции в общей социальной структуре к самостоятельности ориентаций и умственной гибкости, но не к дистрессу.

Единственной связью между позицией в общей социальной структуре и личностью, которую радикальные социальные изменения могли ослабить, была связь между содержательной сложностью труда занятых людей и их уровнем дистресса или эмоционального благополучия — и мы не уверены, была ли эта связь ослаблена радикальными социальными изменениями или же вообще никогда не существовала в Украине, когда она входила в состав СССР (см. прим. 1). Какой бы ни была связь содержательной сложности труда и дистресса в советские времена, на начальном этапе отхода от социализма в 1992-93 годах более важным для ощущения людьми либо благополучия, либо дистресса условием жизни, тесно связанным со сложной экономической ситуацией переходного периода, стало их ощущение *экономического* благополучия или трудностей, что осталось характерным и для 1996 года. Но поскольку экономические трудности в Украине получили значительное распространение и продолжали углубляться, субъективное ощущение экономических трудностей не было ни настолько сильно связано с социально-структурной позицией (для постоянно занятых сегментов населения), ни настолько стабильным во времени, как содержательная сложность труда, а потому не стало фактором такой сильной и постоянной связи класса и стратификации с эмоциональным дистрессом, как связь самостоятельности ориентаций и умственной гибкости с содержательной сложностью труда. Однако ощущение экономического благополучия или трудностей помогает объяснить связь *структурной локализации* с дистрессом, ведь экономические трудности, которые испытали некоторые сегменты *незанятого* насе-

ния, послужили для них фактором повышения дистресса. В этом важном отношении радикальные социальные изменения, которые переживала Украина в этот переходный период, могли повлиять на связь между социальной структурой и личностью.

При всей неоднозначности связи между социальной структурой и дистрессом, что мы полностью осознаем, для нас самым важным выводом из лонгитюдных исследований Украины — выводом, к которому мы бы никогда не пришли на основании другого кросс-секционного исследования — является наличие *стабильности вопреки изменениям*: стабильности связей между социальной структурой и личностью в условиях продолжающихся фундаментальных изменений в социальной и экономической структуре страны и несмотря на распространенную нестабильность личностей ее взрослого населения.

Хотя мы сравнивали разные страны, мы столкнулись с одной и той же проблемой обобщения наших результатов, которая обнаруживается в каждом конкретном случае. Изучая отдельную страну в течение довольно длительного периода чрезвычайной неопределенности и радикальных социальных изменений, вряд ли можно сделать вывод, что связи между социальной структурой и личностью будут такими же в других странах, которые переживают радикальные социальные изменения, особенно в случаях стран, где происходят преобразования иного типа. Может ли исследование страны, переживающей радикальные социальные изменения в иных политических, культурных или экономических условиях — например, Китая, — дать другие результаты? Конечно, такое возможно. Наши результаты являются серьезным побуждением как для нас самих, так и для заинтересованных читателей разработать и провести подобные исследования.

Тем не менее на основании нашего исследования мы можем обоснованно утверждать, что общий характер связей между социальной структурой и фундаментальными измерениями личности, выявленный в разных странах — капиталистических и социалистических, западных и незападных, в периоды явной социальной стабильности и радикальных социальных изменений — проявился даже в разгар продолжающегося периода коренных социальных изменений и несмотря на чрезвычайную нестабильность личности. Более того, для условий радикальных социальных изменений *объяснение* такой устойчивости связей является почти таким же, как и для периодов явной социальной стабильности. Даже одного-единственного примера страны, в которой наблюдается такая устойчивость связей между социальной структурой и личностью в крайне экстремальных условиях, достаточно, чтобы продемонстрировать чрезвычайную устойчивость этих связей.

Литература

1. *Costa P., Jr., Herbst J., McCrae R. et al.* Personality at Midlife: Stability, Intrinsic Maturation, and Response to Life Events // *Assessment*. — 2000. — Vol. 7. — P. 365–378.
2. *Jureskog K.* Latent Variable Scores and their Uses // LISREL <<http://www.ssicentral.com/lisrel/column6.htm>> (2000).
3. *Khmelko V.* Macrosocial Change in Ukraine: The Years of Independence // *Sisyphus: Sociological Studies*. — 2002. — Vol. XVI. — P. 125–136.

4. *Kohn M.* Class and Conformity: A Study in Values. 2nd ed. — Chicago, IL., 1977 (первые издана в 1969 году).
5. *Kohn M.* Cross-National Research as an Analytic Strategy: American Sociological Association, 1987 Presidential Address // *American Sociological Review*. — 1987. — Vol. 52. — P. 713–731.
6. *Kohn M.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project (1992 Cooley-Mead Award Lecture, American Sociological Association) // *Social Psychology Quarterly*. — 1993. — Vol. 56. — P. 4–20.
7. *Kohn M.* Review Essay: The 'Bell Curve' from the Perspective of Research on Social Structure and Personality // *Sociological Forum*. — 1996. — Vol. 11. — P. 395–411.
8. *Kohn M., Naoi A., Schoenbach C. et al.* Position in the Class Structure and Psychological Functioning in the United States, Japan, and Poland // *American Journal of Sociology*. — 1990. — Vol. 95. — P. 964–1008.
9. *Kohn M., Schoenbach C.* Class, Stratification, and Psychological Functioning // *Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification* / Kohn M., Schooler C. (eds.). — Norwood, NJ, 1983. — P. 154–189.
10. *Kohn M., Schooler C.* The Reciprocal Effects of the Substantive Complexity of Work and Intellectual Flexibility: A Longitudinal Assessment // *American Journal of Sociology*. — 1978. — Vol. 84 (July). — P. 24–52.
11. *Kohn M., Schooler C.* Job Conditions and Personality: A Longitudinal Assessment of their Reciprocal Effects // *American Journal of Sociology*. — 1982. — Vol. 87 (May). — P. 1257–1286.
12. *Kohn M., Schoenbach C.* Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification / Miller J. et al. collab. — Norwood, NJ, 1983.
13. *Kohn M., Slomczynski K.* Social Structure and Self-Direction: A Comparative Analysis of the United States and Poland. — Oxford, England, 1990.
14. *Kohn M., Slomczynski K., Janicka K. et al.* Social Structure and Personality under Conditions of Radical Social Change: A Comparative Analysis of Poland and Ukraine // *American Sociological Review*. — 1997. — Vol. 62. — P. 614–638.
15. *Kohn M., Zaborowski W., Janicka K. et al.* Complexity of Activities and Personality Under Conditions of Radical Social Change: A Comparative Analysis of Poland and Ukraine // *Social Psychological Quarterly*. — 2000. — Vol. 63. — P. 187–208.
16. *Kohn M., Zaborowski W., Janicka K. et al.* Structural Location and Personality during the Transformation of Poland and Ukraine // *Social Psychological Quarterly*. — 2002. — Vol. 65. — P. 364–385.
17. *McCrae R., Costa P., Jr., Ostendorf F. et al.* Nature Over Nurture: Temperament, Personality and Life Span Development // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2000. — Vol. 78. — P. 173–186.
18. *McGue M., Bacon S., Lykken D.* Personality Stability and Change in Early Adulthood: A Behavioral Genetic Analysis // *Developmental Psychology*. — 1993. — Vol. 29. — P. 96–109.
19. *Miller K., Kohn M., Schooler C.* Educational Self-Direction and Personality // *American Sociological Review*. — 1986. — Vol. 51. — P. 372–390.
20. *Williams R.* American Society: A Sociological Interpretation. 3rd ed. — New York, 1970.
21. *Wright E.* Class, Crisis and the State. — London, 1978.

4. *Kohn M.* Class and Conformity: A Study in Values. 2nd ed. — Chicago, IL., 1977 (первые издана в 1969 году).
5. *Kohn M.* Cross-National Research as an Analytic Strategy: American Sociological Association, 1987 Presidential Address // *American Sociological Review*. — 1987. — Vol. 52. — P. 713–731.
6. *Kohn M.* Doing Social Research Under Conditions of Radical Social Change: The Biography of an Ongoing Research Project (1992 Cooley-Mead Award Lecture, American Sociological Association) // *Social Psychology Quarterly*. — 1993. — Vol. 56. — P. 4–20.
7. *Kohn M.* Review Essay: The 'Bell Curve' from the Perspective of Research on Social Structure and Personality // *Sociological Forum*. — 1996. — Vol. 11. — P. 395–411.
8. *Kohn M., Naoi A., Schoenbach C. et al.* Position in the Class Structure and Psychological Functioning in the United States, Japan, and Poland // *American Journal of Sociology*. — 1990. — Vol. 95. — P. 964–1008.
9. *Kohn M., Schoenbach C.* Class, Stratification, and Psychological Functioning // *Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification* / Kohn M., Schooler C. (eds.). — Norwood, NJ, 1983. — P. 154–189.
10. *Kohn M., Schooler C.* The Reciprocal Effects of the Substantive Complexity of Work and Intellectual Flexibility: A Longitudinal Assessment // *American Journal of Sociology*. — 1978. — Vol. 84 (July). — P. 24–52.
11. *Kohn M., Schooler C.* Job Conditions and Personality: A Longitudinal Assessment of their Reciprocal Effects // *American Journal of Sociology*. — 1982. — Vol. 87 (May). — P. 1257–1286.
12. *Kohn M., Schoenbach C.* Work and Personality: An Inquiry into the Impact of Social Stratification / Miller J. et al. collab. — Norwood, NJ, 1983.
13. *Kohn M., Slomczynski K.* Social Structure and Self-Direction: A Comparative Analysis of the United States and Poland. — Oxford, England, 1990.
14. *Kohn M., Slomczynski K., Janicka K. et al.* Social Structure and Personality under Conditions of Radical Social Change: A Comparative Analysis of Poland and Ukraine // *American Sociological Review*. — 1997. — Vol. 62. — P. 614–638.
15. *Kohn M., Zaborowski W., Janicka K. et al.* Complexity of Activities and Personality Under Conditions of Radical Social Change: A Comparative Analysis of Poland and Ukraine // *Social Psychological Quarterly*. — 2000. — Vol. 63. — P. 187–208.
16. *Kohn M., Zaborowski W., Janicka K. et al.* Structural Location and Personality during the Transformation of Poland and Ukraine // *Social Psychological Quarterly*. — 2002. — Vol. 65. — P. 364–385.
17. *McCrae R., Costa P., Jr., Ostendorf F. et al.* Nature Over Nurture: Temperament, Personality and Life Span Development // *Journal of Personality and Social Psychology*. — 2000. — Vol. 78. — P. 173–186.
18. *McGue M., Bacon S., Lykken D.* Personality Stability and Change in Early Adulthood: A Behavioral Genetic Analysis // *Developmental Psychology*. — 1993. — Vol. 29. — P. 96–109.
19. *Miller K., Kohn M., Schooler C.* Educational Self-Direction and Personality // *American Sociological Review*. — 1986. — Vol. 51. — P. 372–390.
20. *Williams R.* American Society: A Sociological Interpretation. 3rd ed. — New York, 1970.
21. *Wright E.* Class, Crisis and the State. — London, 1978.